

<https://doi.org/10.22455/CM.2949-0510-2023-3-121-181>
<https://elibrary.ru/KBNOJZ>
УДК 821.161.1.0

This is an open access article
Distributed under the Creative
Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

Научная публикация архивных материалов / Scientific
Publication of Archival Materials

«Я НЕ ДУМАЛ, ЧТО ЗДЕСЬ ТАК ТЯЖЕЛО ЖИВЕТСЯ...» И.В. ЧИННОВ О РУССКОМ ПАРИЖЕ 1940–1950-Х ГГ. В ПИСЬМАХ И ИНТЕРВЬЮ

© 2023 г. О.Ф. Кузнецова, Н.Ю. Бакшаева

Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия

*Вступительная статья, подготовка текста, комментарии О.Ф. Кузнецовой.
Составление Н.Ю. Бакшаевой*

Аннотация: В публикации впервые вводятся в научный оборот материалы «Кабинета архивных фондов эмигрантской литературы им. И.В. Чиннова» Отдела рукописей ИМЛИ РАН, связанные с жизнью поэта первой волны эмиграции И.В. Чиннова (1909–1996), — письма Чиннова, адресованные другу Ю.П. Иваску и его жене, и интервью Чиннова с рассказом о жизни в Русском Париже в послевоенные годы. Начало переписки относится к военному времени, к 1944 г., когда Чиннов оказался в трудовом лагере для военнопленных в Вуппертале. В последнем из публикуемых писем Чиннов сообщает о возможности уехать работать в Мюнхен на радио «Свобода». Парижская жизнь Чиннова воссоздается по интервью, в котором он поделился историей своего пребывания в Русском Париже в послевоенные годы. Чиннов вспоминает о том, как он был посвящен в масоны, о собраниях в ложе «Астрея». Бывал он в гостях у Ивана Бунина, у Алексея Ремизова и на «воскресеньях» у Николая Бердяева.

Ключевые слова: интервью, поэт, Подмосковье, стихотворение, эмиграция, послевоенный Париж, советский паспорт, Адамович, Бунин, Бердяев, Ремизов, письмо, стихи, война, немецкий трудовой лагерь для военнопленных, Германия, Америка, посылка, профессор, антология.

Информация об авторах:

Ольга Феликсовна Кузнецова — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3816-2158>

E-mail: oliaol.555@gmail.com

Наталья Юрьевна Бакшаева — научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1650-0857>

E-mail: nbobresova@gmail.com

Для цитирования: Кузнецова О.Ф., Бакшаева Н.Ю. «Я не думал, что здесь так тяжело живется...» И.В. Чиннов о Русском Париже 1940–1950-х гг. в письмах и интервью / вступ. ст., подгот. текста, коммент. О.Ф. Кузнецовой; сост. Н.Ю. Бакшаевой // Codex manuscriptus. М.: ИМЛИ РАН, 2023. Вып. 3. С. 121–181. <https://doi.org/10.22455/CM.2949-0510-2023-3-121-181>

В публикации представлены материалы «Кабинета архивных фондов эмигрантской литературы им. И.В. Чиннова» Отдела рукописей ИМЛИ РАН, связанные с жизнью поэта первой волны эмиграции Игоря Владимировича Чиннова (1909–1996) в 1940–1950-х гг.

Письма создавались в военные и послевоенные годы. В конце войны, в 1944 г., Чиннов был вывезен немцами из Риги, где он тогда жил, в Германию, в трудовой лагерь для военнопленных в Вуппертале. Письма Чиннова за 1944–1945 гг. из лагеря, как и письма первых послевоенных лет, адресованы его другу, тоже поэту, Юрию Павловичу Иваску (1907–1986) и жене Иваска — Тамаре Георгиевне. После окончания войны Чиннов писал им уже из Парижа, где оказался, освободившись из лагеря. В письмах отразилась типичная судьба русского эмигранта во Франции, потерявшего родину, родных, дом, возможность зарабатывать и лишенного какой-либо поддержки. В послевоенном Париже литераторам из России найти работу было особенно тяжело.

Игорь Чиннов и Юрий Иваск познакомились еще до войны, в 1930-е гг., благодаря стихам — оба посылали свои стихи в парижский эмигрантский журнал «Числа», и у них завязалась переписка. Игорь Чиннов тогда учился в университете в Риге, участвовал в литературном кружке «На струге слов» и уже печатался в местных изданиях. Его стихи даже были одобрены Георгием Ивановым, который, приезжал в Ригу.

А Юрий Иваск в то время жил в Печорах, куда эстонские власти выслали его из Ревеля (Таллинна) за участие в незарегистрированном кружке по изучению СССР. Иваск был на два-три года старше Чиннова, уже закончил учебу, и даже успел сделать в Ревеле журнал: он редактировал «Русский магазин» (вышел один номер). В 1938 г. он побывал во Франции, где виделся с эмигрантскими писателями и философами — Николаем Бердяевым, Георгием Федотовым, Мариной Цветаевой и др.

Несколько раз Иваск приезжал в Ригу, к Чиннову в гости. В Риге он был в 1936 г., потом — в 1939-м и, наконец, в 1943 г., который стал знаменательным — он женился на Тамаре Георгиевне, урожденной Мехак. Она была бывшей подругой Чиннова, Чиннов их и познакомил.

В войну Чиннов и Иваск потеряли друг друга из вида. Иваск с женой оказались на оккупированной территории, а в конце войны — в лагере для перемещенных лиц в Гамбурге.

Чиннов с сентября 1944-го был в лагере в Вуппертале. Заключенные работали на заводе — в основном саботировали, — переключали детали с одной полки на другую. Кормили вполне сносно, — вспоминал Чиннов. Рабочий день длился 13 часов. Но можно было ходить по городу.

Переписка друзей, прерванная во время войны, восстановилась, когда Чиннову удалось найти через знакомых адрес Ивасков. В архиве сохранились ксероксы писем Чиннова Иваскам из лагеря в Вуппертале. Их позже переслал ему Иваск. Но многие страницы с трудом читаются. Первое в публикуемой подборке — за декабрь 1944 г.

О последних днях в лагере Чиннов вспоминал, что лагерная охрана вдруг вся исчезла. И в ворота въехали грузовики с американскими солдатами. Они приехали освобождать заключенных. Заключенных перевезли Париж, где Чиннов был зачислен рядовым в американскую армию. Ему назначили жалование, выдали обмундирование, и поручили охранять пленных немцев, размещенных в казармах в маленьких городках под Парижем. (Ирония судьбы — заключенные и охранники поменялись местами.)

И опять друзья потеряли друг друга. Переписку после окончания войны они смогли возобновить благодаря их общей знакомой из Швейцарии Е.Э. Малер. Иваск и Чиннов написали ей и сообщили свои новые адреса. Елизавета Эдуардовна Малер была профессором русского языка и литературы в Базельском университете и близкой подругой матери Юрия Иваска. Елизавете Малер в 1939 г., перед отъездом в Россию, М. Цветаева, по совету Иваска, передала рукописи сборника «Лебединый стан» и поэмы «Перекоп», благодаря чему

они и сохранились. Чиннов тоже был знаком с Е. Малер до войны, но и потом они поддерживали дружеские отношения.

Дружба Чиннова и Иваска сохранилась на многие годы. Оба они, в конце концов, оказались в Америке.

Первые послевоенные годы в Париже были для Чиннова нелегкими, как видно из писем. Он очень бедствовал. Когда кончилась служба в армии, встал вопрос о жилье и пропитании. Единственная постоянная работа, которую с трудом удалось найти — преподавание немецкого в русской гимназии — приносила незначительные деньги. Но и она скоро закончилась — Чиннов был уволен директором гимназии «за левые убеждения». Чтение общественных лекций не приносило много денег, стипендия в Сорбонне, где он слушал лекции, была мизерной. И из письма в письмо он пишет о своих попытках найти мать, с которой расстался в Риге перед депортацией в лагерь. В конце концов, он узнал, что дом, в котором она находилась, подвергся бомбардировке, и она погибла.

Иваску и его жене в лагере для перемещенных лиц тоже оказалось нелегко. Чиннов по мере сил помогал им посылками с едой, пока не закончилась служба в армии. И искал с ними вместе возможные варианты работы и места жительства, чтобы Иваски могли уехать из лагеря.

В 1949 г. Иваскам это удалось. Перебраться в США им помог известный философ, историк Георгий Федотов. И теперь уже Иваск пытался организовать Чиннову переезд в США, что никак не получалось.

Только в 1953 г. Чиннов смог уехать из Парижа в Мюнхен. Там открылась радиостанция «Свобода», и Владимиру Вейдле, известному в зарубежье искусствоведа, специалисту по теории литературы (к тому же блестяще знавшему немецкий) предложили место главного редактора в Русском отделе радиостанции, а он позвал Чиннова на место редактора в отделе новостей. О чем Чиннов пишет Иваску в начале 1953 г.

В США Чиннов переехал значительно позже — в 1962 г., после многих сомнений и колебаний. Уговорил его и помог переехать — Юрий Иваск, который к тому времени стал профессором в университете. Чиннов, переехав в США, тоже получил звание профессора русского языка и литературы. И, хотя друзья оказались в одной стране, близкого соседства не сложилось. Города и даже штаты были разными. Благодаря чему переписка не прерывалась, и в архиве Чиннова теперь хранится большой объем их писем.

Сохранилось не только их эпистолярное наследие. Оба друга активно печатались в эмигрантской прессе и заняли заметное место

в послевоенной литературе русского зарубежья. Чиннов выпустил в эмиграции восемь книг стихов. Многие, и даже Георгий Адамович, считали его безупречным мастером, единственным мэтром в современной эмигрантской поэзии. Чиннов был членом редколлегии «Нового журнала», одного из крупнейших в русском зарубежье.

Иваск тоже всю жизнь писал стихи и выпустил несколько книг, но больше он был известен как талантливый критик, литературовед и издатель: он делал эмигрантский журнал «Опыты», написал книгу о Константине Леонтьеве, составил антологию эмигрантской поэзии «На Западе». Разбору предисловия к этой, готовящейся к изданию антологии — одной из первых, появившихся на Западе, — посвящено письмо Чиннова от 10 января 1953 г. Он дает советы другу о необходимых дополнениях в текст предисловия. Советы Иваском были приняты.

Здесь публикуются письма Игоря Чиннова Юрию и Тамаре Иваскам за 1944–1947, 1949, 1953 гг., которые дают представление о жизни русских литераторов в эмиграции в военное и послевоенное время.

В публикуемом интервью, как и в напечатанных ниже письмах Игоря Владимировича Чиннова (1909–1996), поэта первой волны эмиграции, речь идет о Париже в послевоенные годы. Письма воссоздают атмосферу Русского Парижа тех лет, когда эмигранты, оказавшиеся во Франции, ощущали себя вне общества — никому не нужными, бездомными, без средств к существованию. В этих письмах друзьям — Юрию и Тамаре Иваскам — Чиннов пишет о встречах с «русскими парижанами» Георгием Ивановым (1894–1958), Сергеем Маковским (1877–1962), Владимиром Вейдле (1895–1979) и др., рассказывает о своих личных проблемах, бедах и радостях.

А в интервью он говорит уже не о себе. Интервью — это взгляд русского эмигранта первой волны из нашей эпохи — в послевоенное прошлое, когда среди его друзей и знакомых оказались крупные писатели, философы, поэты, о которых он рассказывает: Иван Бунин, Георгий Адамович, Николай Бердяев, Алексей Ремизов. Была тогда в его жизни и Сорбонна, где он слушал лекции о французской культуре, о Бодлере, Паскале, что отразилось в стихах. Была масонская ложа, которую он посещал. «Светлый Грааль», связанный с этим воспоминанием, попал в подмосковное стихотворение 1992 г. «Я тоже в Париже...». Была и безработица, и «жалкие харчевни» в ослепительном Париже, где потом Чиннов не раз побывал уже как американский турист:

Я тоже в Париже
Сидел без гроша,
И долу все ниже
Клонилась душа.

Но в грусти-печали,
Как светлый Грааль,
Мне жить помогали
Бодлер и Паскаль.

Я важен: я выжил!
Но — как с этим быть?
Туристу в Париже
Никак не забыть

Тех жалких харчевен,
Тех русских могил,
«Когда легковерен
И молод я был».

Подмосковье, 1992 [17, т. 2, с. 62].

Стихотворение, как и публикуемое интервью, относится к 1992 г. Тогда Игорь Чиннов — хорошо известный в литературном мире русской эмиграции поэт — приехал в Россию на лето «на дачу» из Флориды, «штата пенсионеров», где жил после выхода в отставку в звании заслуженного профессора литературы.

«На дачу» — ностальгическое, из его детства, словосочетание. Во многих стихах Чиннова слышна грусть от сознания того, что в его эмигрантской жизни уже «не будет осенней брусники. / Ни черники, запачкавшей руки, / Ни сереющей вербы в стакане...» (строки из стихотворения «Там, куда прилетят космонавты...»).

На даче Чиннов жил в Подмосковье, под Загорском (так тогда назывался Сергиев Посад), в поселке Семхоз.

Несмотря на свои восемьдесят три года, он объездил окрестные достопримечательности, не раз побывал в Сергиево-Посадской Лавре и, конечно, в Москве.

За год до того, в конце 1991-го, он уже был в Москве — впервые. Тогда «Новый журнал», старейший эмигрантский журнал, созданный в 1942 г. русскими в США, готовился отмечать свое 50-летие. И члены

редколлегии журнала, куда входил и Чиннов, приехали в Москву по приглашению Фонда культуры для проведения праздничных мероприятий. Это стало событием. Они выступали на сценах Фонда культуры, Дома журналистов, Дома литераторов.

Залы были всегда полны: делегация эмигрантов первой волны вызвала неизменный интерес — при советской власти такие встречи с «отщепенцами-белоэмигрантами», конечно, не устраивались. Чиннов со сцены рассказывал о Русском Париже, читал свои стихи из «Нового журнала», где часто печатался.

Почти все из присутствовавших на вечере в Доме литераторов, в том числе и я, стихов Игоря Чиннова не знали. Хотя на Западе у него уже вышло восемь сборников. Публика просила его читать еще и еще.

Я договорилась с поэтом об интервью для «Огонька». «Огонек» был тогда самым читаемым журналом в СССР — с выраженной социальной направленностью. Но там печатали и стихи.

Интервью, как и стихи Чиннова, были опубликованы уже в новой России — СССР перестал существовать. С декабря 1991 г., после переименования, страна стала опять называться Россией. Сколько лет русские эмигранты мечтали о российском читателе! Стихи Чиннова оказались на страницах российской прессы в числе первых.

Это огоньковское интервью с поэтом было в значительной мере политизировано. Читателей «Огонька» интересовал, с одной стороны, взгляд русского (американского) профессора на современную жизнь в США, с другой — мнение свидетеля революции, беженца из Российской империи, о событиях в нашей «новой» России, и, конечно, вызывала интерес эмигрантская биография поэта. Тем более что во время своего выступления в ЦДЛ он назвал себя последним «парижским поэтом». Остальные поэты, «русские парижане», уже умерли.

Привожу здесь фрагмент из опубликованного в «Огоньке» интервью, поскольку в публикуемой «дачной» беседе он косвенно или напрямую на то интервью ссылается.

— *Игорь Владимирович, почему вы до сих пор не приезжали сюда?*

— Душенька, это зачем же? Чтобы проследовать в Сибирь и сидеть в лагере?..

— *Вам не жалко нашей развалившейся империи?*

— Это можно было предположить давно. В начале 50-х гг. на радиостанции «Свобода», в редакциях, рассчитанных на другие республики, уже работали расчленители России. За это им и платили деньги. И русскую редакцию, где я работал, они не любили. В этом вопросе радиостан-

ция вела себя совершенно неприлично. А республики, ну что же, конечно, они имеют право на самостоятельность. Мне только не нравится, что они этой самостоятельностью так безобразно пользуются.

— *А когда вы уехали отсюда?*

— В Риге в сорок четвертом году я имел неосторожность сказать, в очень тесном кругу, что Гитлеру не победить в этой войне. И через три дня ко мне явилась милая компания. Два таких оберштурмфюрера. Они сообщили, что передо мной выбор: или я еду в Германию на принудительные работы, или жизнь моя окончится весьма печально. Я, конечно, выбрал тот вариант, который не грозил мне немедленной утратой земного существования. И меня с большой группой латышей увезли в лагерь в Рейнской области. Там мы пробыли примерно девять месяцев. По окончании войны нас перевезли во Францию. Я попал в Париж.

В Париже я встретил много русских. Ивана Алексеевича Бунина. Бывал на его четвергах постоянно. Николая Александровича Бердяева. Бывал на его воскресеньях. Георгия Адамовича, Георгия Иванова, Сергея Маковского, Владимира Вейдле. Замечательный был человек. Блистательный. И говорил по-немецки и по-французски совершенно великолепно. Безо всякого акцента. <...>

Когда я только приехал в Париж, я оказался на собрании Объединения русских писателей. И вот за столом с зеленым сукном вижу Ивана Алексеевича. Во фраке. Отложной воротничок, белый галстук. Невысокого роста. Лицо — бронзовая медаль. Красавец. Надменный.

— *А кто еще был на том собрании?*

— Рядом с Буниным сидит, Боже ты мой, какой-то карлик. Урод. И это — великий умница, Алексей Михайлович Ремизов. Душечка. То есть он далеко не со всеми был душечкой. Со мной — да. Со многими другими — нет. С ним произошло вот что. Взглянувши однажды на себя в зеркало, он понял, что при такой наружности надо что-то предпринять. Это же случилось и со Львом Толстым. Как-то, когда ему было лет тридцать, он во фраке увидел себя в зеркале. Такая физиономия! И Лев Николаевич, умная голова, решил — никаких фраков. Рабочая блуза, борода. И все встало на место. Так же поступил и Ремизов. Отказался от пиджаков, галстуков. Надел блузу и стал паясничать и фиглярничать, выступая шутом гороховым. Навесил даже в своей комнате какие-то скелетики. Скелет летучей мыши, домашней мыши, скелет селедки. И так далее. Я часто бывал у него. Он мне дарил все свои книги. У меня много писем от него. <...>

— *Вы пишете стихи по-английски?*

— Стихи — нет. Меня много переводили. И на английский, и на французский, и на немецкий — и все плохо. У меня есть звуковая структура, линия. Но это непереводаемо.

— Вы около тридцати лет живете в Америке. Не чувствуете себя американцем?

— Я жил девять лет во Франции — и французом не стал. Около семи лет — в Германии. А немцем тоже не стал. Теперь у меня американское гражданство. Но я русский эмигрант¹.

В архиве Чиннова (фонд 614), хранящемся теперь в «Кабинете архивных фондов эмигрантской литературы им. И.В. Чиннова» ОР ИМЛИ РАН, есть подборки переводов разных авторов. Один из постоянных переводчиков Чиннова — поэт, переводчик, преподаватель Корнеллского университета (США) Х.У. Чалсма, или Тьялсма (H.W. Tjalsma). Он перевел довольно много стихов Чиннова. В том числе и характерное для Чиннова второй половины 1960-х гг. стихотворение «Там, куда прилетят космонавты...» из третьей книги Чиннова с говорящим названием — «Метафоры» (Нью-Йорк, 1968) [17, т. 1, с. 145–186]. Вот это стихотворение и перевод:

Там, куда прилетят космонавты,
Там не будет весенней сирени,
Там не будет осенней брусники.

Ни черники, запачкавшей руки,
Ни сереющей вербы в стакане
(Зайчик солнца и зайчики вербы).

Золотое Руно аргонавты
Непременно найдут, я уверен,
В синеватых долинах Венеры.

Но не будет на дальней планете
Ни веселого лая собаки,
Ни окна в голубом полумраке,
Ни грачей на сыром огороде...

Канзас, 1964 [17, т. 1, с. 159].

¹ Чиннов И. «Я сам с собою говорю по-русски» / записала О. Чернова // Огонек. 1992. № 9. С. 14.

Where the astronauts land,
there'll be no lilacs in spring,
no red bilberries in the fall.

No bilberries to stain the hand,
no graying pussywillows in a glass
(their motled reflection on the wall).

They'll find, I am sure,
in the bluish valleys of Venus
the argonaut's Golden Fleece.

But on a distant planet
there'll be no gay barking of dogs,
no window in the blue half-light,
no rooks in the damp kitchen garden.

Translated by H.W. Tjalsma

Книга «Метафоры» стала, своего рода, рубежом, разделившим творчество Чиннова на два этапа, а также — поводом к дискуссии между Чинновым и Георгием Адамовичем (1892–1972), крупными литературными деятелями русского зарубежья. В подмосковном интервью Чиннов говорит об Адамовиче довольно коротко. А между тем Адамович сыграл значительную роль в поэтической судьбе Чиннова, в архиве сохранилось 63 письма Георгия Адамовича Игорю Чиннову за 1950–1970-е гг.

Чиннов в воспоминаниях всегда называл Адамовича своим другом, а в послевоенные годы — и своим учителем. Но, как порой бывает, ученик почувствовал, что «перерос» своего учителя, и в его отношении к Адамовичу в конце 1960-х появился некий холодок. Их расхождения в представлениях о будущем русской поэзии были достаточным поводом для этого.

Две первые книги Чиннова, вышедшие до «Метафор», были написаны в духе «парижской ноты», — сдержанные, с аскетичным, обденным словарным запасом, без метафор. Чиннов вспоминает, что еще студентом, до войны, живя в Риге, попал под обаяние статей Георгия Адамовича, который был идеологом «парижской ноты». Но в 1960-х гг., уже в США, Чиннов отказался от словесного аскетизма и сдержанности «парижской ноты».

Само название его третьей книги — «Метафоры» — было свидетельством о новом направлении в поэзии Чиннова. Стихи становились все более яркими, образными, появились и белые стихи.

Адамовичу стихи Чиннова нравились. Как до «Метафор», так и после. Об этом он не раз писал и в статьях о Чиннове, и в письмах. На выход «Метафор» Адамович отозвался рецензией, где отметил очевидное изменение чинновской поэтики: «Ни малейшего расположения к словесному аскетизму у него нет». Наоборот: «Наряд его стихов пышен, изыскано-декоративен и красочен». «Чиннов очарован миром», — замечает Адамович.

И в письме Чиннову в 1967 г., незадолго до выхода «Метафор», Адамович в очередной раз восхитился мастерством Чиннова. Но в то же время написал о своих сомнениях, об «удивлении», которое вызывают его новаторские стихи:

Что мне сказать Вам о трех присланных стихотворениях? («Да, недужится...» и др.). Вы теперь самый тонкий, самый искусный мастер в нашей поэзии. У Вас необычайная, тончайшая, какая-то безошибочная словесная находчивость, — чего нет ни у кого. Я читаю и завидую (по Гумилеву, чувство неизбежное и ничуть не низменное). Но, завидуя, прельщаясь (например — «В Погребалию плыву»), чуть-чуть все-таки удивляюсь. Вы, конечно, правы в Ваших новшествах, причудах и опытах. Без них нельзя ни жить, ни писать. Но очевидно я уже не хочу ни жить, ни писать: это единственное, чем могу объяснить свое удивление». [12, с. 254].

Да, недужится, неможется,
В сердце прыгнула игла.
Смерть — оскаленная рожица —
Выглянула из угла.

Не поможет потогонное...
Что ж ты смотришь наяву?
Уплываю в Патагонию,
В Похоронию, Харонию,
В Погребалию плыву <...> [17, т. 1, с. 200].

Это стихотворение, которое цитировал Адамович, вошло позже в следующую, четвертую книгу Чиннова — «Партитура» (1970) [17, т. 1, с. 189–245].

Судя по тому, как внимательно Адамович относился к новым стихам Чиннова, давал ему в письмах советы (конечно, очень деликатно), он считал Чиннова в какой-то степени своим учеником, последователем. Адамович был старше почти на семнадцать лет.

А Чиннов в письмах называет Адамовича учителем (хотя оба сознавали, что в этом есть и доля иронии — Адамович принципиально считал, что научить писать стихи нельзя). И, несмотря на то, что Адамович признал Чиннова самым искусным мастером, с появлением метафор именно в русских стихах он не готов был согласиться.

Но Чиннов уже не представлял стихов без ярких, неожиданных красок, образов, метафор. Он отстаивал необходимость обновления русской поэзии в эмиграции, начал откликаться в стихах на современность, осваивал новые и для мировой поэзии темы. В стихотворение «Там, куда прилетят космонавты...» даже само слово — космонавт — новое. Оно появилось в русском языке после полета Юрия Гагарина. (В английском тексте перевода звучит слово «астронавт».) В поэзию входит тема космоса, космических путешествий. У Чиннова она окрашена ностальгической ноткой, характерной для стихов русских парижан.

Грусть об утрате родины, о скоротечности жизни, тема смерти — вообще, серьезность тематики, свойственная «парижской ноте» — сохранилась и в последующих стихах Чиннова. А вот словарь обогатился простонародной и бытовой лексикой, словотворчеством.

К моменту выхода «Партитуры» Чиннов уже известен в эмиграции своими модернистскими стихами. В эту книгу вошло наиболее неожиданное и спорное из них — «Лошади впадают в Каспийское море...». Чиннов все чаще обращается к такому жанру, как гротески. Гротеск, пояснял он, это то, «как не бывает». Изменение чинновской поэтики вызывает интерес в эмиграции. Его постоянно приглашают в американские университеты с чтением стихов. В архиве Чиннова сохранилось около тридцати писем из разных университетов.

Перевод стихотворения «И ангелу случается отчаяться...» из книги «Партитура» был сделан Тьялсмой, видимо, для какого-то выступления, проходившего 14 февраля 1973 г.:

И ангелу случается отчаяться.

Он вешается, топится, стреляется.

Его душа, печальная страдальца,

Во что-то маленькое воплощается.

Ей суждено (он не успел раскаяться)
Жить гусеницей или каракатицей.

И вот живет, питается, спасается,
И прошлое не жжет, не вспоминается.

А после воплощается смиренница
В снежинку (потерпи — и переменится)

И, светлая, она летит над улицей
И ангелами дальними любитесь [17, т. 1, с. 206].

It happens, an angel to despairs —
hangs, drowns or shoots himself.

And his soul, poor thing,
is condemned to be born again.

As something small — minnow or flea —
since he didn't have time to repent.

He lives, he prospers, saves his life,
and the past doesn't hunt. It's forgotten.

So our meek one turns into a snowflake
(have patience, things will get better)

And flies above the street
...admiring distant angels.

Translated by H.W. Tjalsma
February 14, 1973

А о выступлении «двухвидных поэтов» — Игоря Чиннова и Иосифа Бродского — на симпозиуме по переводу в Мэрилендском университете под Вашингтоном сообщила даже парижская «Русская мысль» (номер от 12 апреля 1979 г.). Поэты по очереди читали стихи, и тут же переводчики читали перевод. В заметке пишут, среди прочего, что «сама манера чтения выявила коренное различие между поэтами.

Игорю Чиннову свойственно читать очень отчетливо, уравнивая логопею (смысл) и мелопею, четко отделяя строки, давая точную, ясную фразировку. Иосифом Бродским наоборот, как будто завладевает ритм, чтение становится инкантацией, заклинанием...».

Похоже, что, споря с Адамовичем, Чиннов не ошибся в поисках путей обновления своей поэтической манеры. А Адамович, хотя при выходе книги «Метафоры» возражать Чиннову не стал, но относительно метафор в русских стихах все же остался при своем мнении. Он высказал его в 1971 г. в статье «Оправдание чернови́ков», где писал: «Нас упрекают в отсталости, в нежелании или в неспособности следовать новым, смелым, передовым западным литературным течениям. Дай нам Бог сил устоять перед соблазном!»². Не устояли.

Чиннов воспринял эти слова в статье на свой счет и ответил Адамовичу в письме, что не согласен с ним. Он писал: «Метафоры, в принципе, есть некое волшебство. Вы от волшебства отмахиваетесь, ища Чуда: 5–6 пронзительных, как бы случайных строк...»³.

Последний, восьмой сборник, «Автограф» [17, т. 1, с. 447–535] вышел у Чиннова в 1984 г.

В конце жизни любимой формой, в которую Чиннов облакал свои стихи, стал гротеск. Как раз летом 1992 г. «на даче» Чиннов составил сборник своих гротесков «Алхимия и ахинея», изданный в России в 1996 г. [15].

Еще до выхода сборника появилась восторженная статья поэта третьей эмиграции Михаила Крепса (1940–1994) «Поэтика гротеска Игоря Чиннова», где он называет Чиннова одним из наиболее оригинальных теперь поэтов и пишет, что он «несомненно, единственный и, по-видимому, последний эстет нашего времени... Красивее в стихах не бывает»⁴.

Чиннов пережил Адамовича на 20 лет. В 1972 г., после его смерти, Чиннов написал статью «Вспоминая Адамовича», где говорил о творчестве поэта, о его великолепном ораторском даре, вспоминал о своих беседах с ним:

Чаще всего беседы бывали о стихах и о том, чем поэзия должна быть. Правда, после войны он об этом говорил не так охотно, как в монпарнаские времена. Но вера в высокое назначение поэта в нем оставалась, как

² Адамович Г. Оправдание чернови́ков // Новый журнал. 1971. № 103. С. 77.

³ ОР ИМЛИ. Ф. 614. Оп. 2.1. Ед. хр. 1. Л. 21.

⁴ Крепс М. Поэтика гротеска Игоря Чиннова // Новый журнал. 1990. № 181. С. 90.

и уверенность, что стихи должны быть «ответом на все». Он повторял: «все можно сказать в стихах — и как сказать!» [13, с. 170].

Чиннов считал, что лучшее определение поэзии дал Адамович в своем ответе на вопрос «Какие должны быть стихи?» в книге «Комментарии»:

Чтобы как аэроплан, тянулись, тянулись по земле, и вдруг взлетали... если и не высоко, то со всей тяжестью груза. Чтобы все было понятно, и только в щели смысла врывался пронизывающий трансцендентальный ветерок. Чтобы каждое слово значило то, что значит, а все вместе слегка двоилось. Чтобы входило, как игла, и не видно было раны. Чтобы нечего было добавить, некуда было уйти, чтобы «ах!», чтобы «зачем ты меня оставил?», и вообще, чтобы человек как будто пил горький, ледяной напиток, «последний ключ», от которого он уже не оторвется. Грусть мира поручена стихам [1, с. 6–7].

«Ты» с маленькой буквы в этой цитате воспринимается как опечатка иностранных наборщиков.

Так, в высшей степени серьезно, как о важнейшем и единственном деле жизни, вели разговор поэты в Русском Париже. И именно это служение поэзии их сближало, несмотря на разный возраст и разные судьбы. Об этом Чиннов говорит и в своем интервью.

Чиннову во второй половине 1940-х гг., когда он познакомился в Париже с Адамовичем, было около тридцати шести лет. Он не издал еще ни одной книги стихов, хотя писал со студенчества. За спиной — незабываемые, страшные воспоминания о бегстве с родителями через всю Россию, на юг — отец в Риге был мировым судьей и подлежал уничтожению по законам большевистской власти. Но в Ставрополе вся семья заболела тифом, и эвакуироваться с остатками белой армии не удалось. Затем было возвращение — так же, через разрушенную страну, — обратно в Латвию, ставшую независимым от большевистской власти государством. Потом учеба в Латвийском университете на юридическом. Несколько публикаций стихов в «Числах» в 1930-е гг. Война. Трудовой лагерь в Вуппертале. И вот — Париж.

Адамовичу тогда, во второй половине 1940-х, — около пятидесяти пяти лет. Хотя Чиннову, судя по его словам в интервью, он кажется совсем старым — «на тридцать лет старше» его самого. Адамович — известный в Париже критик. Печататься он начал еще в России. После окончания войны Адамович какое-то время сотрудничал в просоветской газете «Русские новости», за что его обвиняли тогда чуть ли не

в «пособничестве большевикам». Вообще, после победы СССР в войне многие эмигранты пересмотрели свое отношение к большевикам. И даже взяли советские паспорта. Адамович — не взял.

А, например, Алексей Михайлович Ремизов (1877–1957), о котором тоже идет речь в интервью, — взял. Чиннов не раз бывал у Ремизова в гостях. Ремизов тогда начал терять зрение. Чиннов ему очень сочувствовал. Жена Ремизова, Серафима Павловна, урожденная Довгелло, умерла еще в 1943 г., и к Ремизову приходили знакомые — помогать по хозяйству. Среди них была и Н.В. Кодрянская, писавшая детские сказки. После смерти Ремизова она унаследовала часть его архива и выпустила несколько книг о Ремизове. Чиннов рассказывал в своих воспоминаниях «Мои парижские встречи», что в комнате у Ремизова была натянута веревка, и на ней висели скелетики селедки, летучей мыши и пр., что Ремизов «так же, из шутовства, придумал себе издательство “Оплешник”. По сути, издательства никакого не существовало — просто он платил начальнику типографии деньги за издание очередной своей книги и ставил гриф этого выдуманного издательства» [13, с. 111]. Позже, когда Чиннов уехал в Мюнхен и работал на радио «Свобода», они переписывались. Письма сохранились в архиве Чиннова.

Сам Чиннов советский паспорт не взял. К большевикам он всегда относился со страхом — детство не забылось. Но, как писал Чиннов в опубликованном ниже письме Иваску от 26 апреля 1947 г. из Парижа, «“левые” все-таки очень терпимы к инакомыслящим». И разные политические убеждения не мешали общению.

К «левым» относился тогда и Николай Александрович Бердяев (1874–1948), которому в 1946 г. вернули российское (советское) гражданство. Но он этим не воспользовался. В воспоминаниях о «парижских встречах» Чиннов рассказывал, что на воскресенья к Бердяеву он приходил с Адамовичем и что Бердяев в послевоенные годы «симпатизировал, правда, на расстоянии, советскому режиму». Но, добавлял Чиннов: «Я не разделял этих симпатий Бердяева. Помню, как он однажды, кивнув в мою сторону, сказал: “А у него есть кто-то”» [13, с. 111–112].

Бердяев, пережив в молодости, еще в России, увлечение марксизмом, в 1930-е гг., в эмиграции, в книге «Истоки и смысл русского коммунизма» [4], (изданной на английском языке в 1937 г. и рассчитанной именно на иностранцев) делает вывод, что

вся история русской интеллигенции подготавливала коммунизм. В коммунизм вошли знакомые черты: жажда социальной справедливости

и равенства, признание классов трудящихся высшим человеческим типом, отвращение к капитализму и буржуазии, стремление к целостному мирозерцанию и целостному отношению к жизни, сектантская нетерпимость, подозрительное и враждебное отношение к культурной элите, исключительная посюсторонность, отрицание духа и духовных ценностей, придание материализму почти теологического характера [4, с. 100].

Эта книга, переведенная на многие языки и принесящая Бердяеву известность в Европе, на русском языке впервые была издана в Париже только в 1955 г., уже после смерти Бердяева.

В России, до высылки из страны, Бердяев начал писать книгу «Философия неравенства» [7], где рассматривает искажение христианства в политике и с резкой критикой обращается, первым делом, к своим «недругам» в России — тем самым интеллигентам-материалистам. Позже Бердяев от этой книги отрекался, — вспоминает в интервью Чиннов, — поскольку она написана слишком пафосно и отсылалась к конкретному историческому моменту в России.

К середине 1940-х гг. Бердяев пришел к признанию закономерности случившейся в России революции, о чем он писал в книге «Самопознание. (Опыт философской автобиографии)» [6]. Хотя, по словам Бердяева, «47-ой был для меня годом мучения о России», и «после героической войны процессы, происходящие в советской России протекали не так, как можно было надеяться», все же «я могу признать положительный смысл революции и социальные результаты революции, могу видеть много положительного в самом советском принципе, могу верить в великую миссию русского народа и вместе с тем ко многому относиться критически в действиях советской власти, могу с непримиримой враждой относиться к идеологической диктатуре» [6, с. 327]. И дальше: «Так я думал 25 лет тому назад и очень расходился с большей частью эмиграции» [6, с. 328–329].

То же одиночество ощущает Бердяев и в 1947 г. Он пишет, что в эпоху духовного кризиса мира «трудно сделать понятными мои мысли, слишком элементарна среда, которая сейчас имеет силу. Я опять остро почувствовал, до какой степени я одиночка» [6, с. 331].

После войны Бердяев, по его собственным словам, перестал общаться с теми, кто желал поражения СССР в войне. А, например, с Д.С. Мережковским (1865–1941) у него были идейные расхождения, потому что, писал Бердяев, «для меня основной проблемой была проблема свободы и личности, то есть проблема духа, а не “плоти”» [6, с. 136]. А у Мережковского «проблема свободы» отсутствует, «он ее никогда не ставит. “Плоть” поглощает у него свободу. Свобода есть

дух. Более всего меня отталкивало от него отсутствие темы о свободе. Это ведь и есть тема о достоинстве человека» [6, с. 136].

Об этой своей главной идее, о философии свободы, Бердяев писал еще в России. И тогда — вспоминал Бердяев в автобиографии, — даже «могущественная магия разыгравшейся революционной стихии большевизма не могли мной овладеть и принудить отречься от свободы духа и от личной совести» [6, с. 134].

О своей избранности, об элитарности, которая запомнилась Чиннову, о том, что он осознает себя мыслителем аристократическим, Бердяев не раз говорит в автобиографии. Собственно, аристократом он был и по рождению. Правда, Чиннов ошибся, говоря в интервью о родстве его матери с французскими королями. Видимо, Бердяев производил такое впечатление. Но мать Бердяева была действительно аристократка — княжна Кудашева. «Она была полуфранцуженка — писал Бердяев. — Ее мать, моя бабушка, была графиня Шуазель. В сущности, мать всегда была более француженка, чем русская» [6, с. 13]. А со стороны отца все были блестящие военные, генералы, отец — кавалергардский офицер.

Бердяев умер в 1948 г., за своим рабочим столом, как свидетельствовала его свояченица, Евгения Юдифовна Рапп (1875–1960) которая после смерти в 1945 г. его жены, Лидии Юдифовны, взяла на себя заботы о Бердяеве. Е.Ю. Рапп была душеприказчицей Бердяева. Незадолго до своей смерти она передала архив Бердяева, согласно его воле, в СССР, где архив хранился в ЦГАЛИ, в спецхране. В 1988 г. фонд Бердяева был рассекречен.

И уже в 1990-м на основе архивной рукописи в Москве была переиздана — тиражом 500 000 экземпляров! — книга Бердяева «Самопознание» [6] с добавлением фрагментов, пропущенных в первом парижском издании «Самопознания» 1949 г., которое сохранилось в библиотеке Чиннова [5]. Тираж нового издания свидетельствует об огромном интересе в советском — тогда еще советском — обществе к этому, «возвращенному» из эмиграции философу. Потому в публикуемом интервью 1992 г. о Бердяеве так много вопросов.

Это интервью возникло совершенно стихийно. Еще во время своего первого приезда в Москву, осенью 1991 г., Чиннов обмолвился, что в Париже был членом масонской ложи. Тогда я не успела его расспросить об этом — программа выступлений у членов редколлегии «Нового журнала» была довольно напряженная. А «на даче» время нашлось. И я попросила Игоря Владимировича рассказать, как он был масоном. После разговора о масонах возникали другие темы. И он отвечал на все новые вопросы о литературном мире Русского Парижа

в послевоенные годы. Говорил, пока пленка на диктофоне не кончилась. Хотя под конец все же устал. Но тем не менее записанная речь не потребовала никакой правки. Он был хорошим оратором.

Интервью И.В. Чиннова и его письма публикуются по текстам, хранящимся в «Кабинете архивных фондов эмигрантской литературы им. И.В. Чиннова». Кабинет был создан на основе архива и библиотеки поэта, которые он завещал ИМЛИ РАН.

Письма из Франции и Германии Юрию и Тамаре Иваскам

1.

Ю.П. Иваску

1944 <декабрь>

Лагерь в Вуннпертале

*Russisch geschrieben*¹

Дорогой Юра, милый, больной.

С Новым годом, и давайте верить, что все еще будет хорошо. Живу под впечатлением Вашей «парчовой рожи», здесь Ваша поэтическая Тема немножко под парчу Осипа Эмильевича², и все-таки это очень Ваши стихи и, разумеется, прекрасные стихи. Пишите больше стихов и писем мне, ведь Вы блаженно праздны теперь, и не сетуйте, а я, раб — «с уродским горбом»³ от работы, как сказал Блок. Не так часто пишу, как бы хотел. Тринадцать часов дают себя знать⁴. Спасибо за Бема⁵. Рад, что «молодые» пражские поэты обсуждают ивасковские стихи: пора им. Все не собрался написать Галю⁶, но напишу. А другие наши друзья — что у них нового? Здесь есть семья <нрзб> из Киева, милейшие. И привезли часть дедовского собрания картин: видел здесь Ватто, Фрагонара, Греза, Лампи, Франческо Франча, Корреджо — ничего!! А?

Целую больного в лобик, жду писем, больших. Дуся Игорь.

Комментарии

ОР ИМЛИ. Ф. 614. Оп. 2.2. Ед. хр. 3.

¹ Написано по-русски (нем.)

² Видимо, имеются в виду стихотворения Ю. Иваска, вошедшие позже в книгу «Царская осень» (1953) [8]. Одно из них начинается со строк: «Снова в рваной парче Византии / Осень-муза при свете зарниц. / Ты зачем ты о чем? — О России / В голом парке у громких гробниц...». Тема гибели звучит

и в стихотворении О.Э. Мандельштама в «Веницейская жизнь» (1920), где есть строки: «...Тонкий воздух кожи, синие прожилки, / Белый снег, зеленая парча. / Всех кладут на кипарисные носилки, / Сонных, теплых вынимают из плаща...».

³ Имеются в виду строки из стихотворения Александра Блока 1907 г.: «Работай, работай, работай: / Ты будешь с уродским горбом / За долгой и честной работой, / За долгим и честным трудом...»

⁴ Видимо, речь идет о том, что заключенные лагеря работали по тринадцать часов в день.

⁵ Бем А.Л. (1886–1945?) — историк литературы, литературный критик русского зарубежья. С 1922 г. жил в Праге. В 1922–1940 гг. руководил объединением «Скит поэтов» в Праге.

⁶ Юрий Галь (?–1945) — поэт, умерший молодым от «горловой чахотки» — так он назвал свою болезнь в одном из писем Юрию Иваску. Письма были опубликованы Иваском в журнале «Опыты» (1955)⁵. В предисловии к письмам Иваск рассказал о знакомстве с этим талантливым, но так и не состоявшимся молодым поэтом, оказавшемся на оккупированной территории: «Ревель 1943 года. Третий год немецкой оккупации. Время — полуголодное. У добрых знакомых, сохранивших прежнее радушие и даже все обычаи отечественного гостеприимства, я увидел высокого молодого человека. Он сказал, что пишет стихи. Я его пригласил к нам. Он стал навещать. <...> Мы подружились»⁶. После начала болезни Галь уехал на лечение в санаторий польского города Тушин. Его письма оттуда датированы 3 декабря 1944 г. — 12 января 1945 г. В письмах Галь рассказывал об ухудшавшемся течении болезни и посылал Иваску свои стихи. В письме от 13 декабря 1944 г. Галь писал: «Оставляю я такой след в русской литературе, как 22-летний Веневитинов? Если да, то о большем я и не мечтал никогда». А несколько дней спустя, 17 декабря: «Получил я целую кучу писем, но никак не мог ответить моим милым корреспондентам, которые меня утешают <...> Жить мне не по силам»⁷. Потом переписка прервалась, вестей от Галя не было, нет никаких сомнений, что его нет в живых, — писал Иваск в предисловии к публикации.

⁵ Галь Ю.В. Письма // Опыты. 1955. № 4. С. 91–103.

⁶ Там же. С. 91.

⁷ Там же. С. 97.

2. Тамаре Иваск

<На конверте штамп:>

15.I.1945, Вуннпепталь.

Russisch geschrieben¹

Дорогой Пупсенок²,

С Новым годом, дай Бог, чтоб он, по крайней мере, хоть кончился лучше старого. Очень хочу тебя, обезьяну, повидать, но — не пускают. Юра писал, что тебя ухватил за хвост. Чем же кончилось? Писала ли ты маме? Ей там так одиноко. Ах, милый Тамарчонок, когда нам станет хорошо? Хоть и трудно тебе, а ты все-таки пиши, пиши мне, Собака. Что наши знакомые, друзья, я ни о ком ничего не знаю. Пиши стихи. Жри больше, береги себя и не мучь себя напрасно. Целую тебя в нос, чужая жена. Твой Игорь.

Комментарии

ОР ИМЛИ. Ф. 614. Оп. 2.2. Ед. хр. 3.

¹ Написано по-русски (нем.).

² Пупс, Собака — так в письмах И.В. Чиннов называл Тамару Георгиевну Иваск (урожденную Межак, по первому браку Шмеллинг; 1916–1982), жену Ю.П. Иваска (1907–1986).

3. Ю.П. Иваску

18.2.1946. Париж

Наконец-то письмо¹ от Вас, Юра, дорогой,

почему же Вы так долго мне не отвечали? Получили ли Вы вообще оба моих письма², книжную посылку? Первое я Вам, т. е. Тамаре, послал еще до нашего пожара в январе, второе из госпиталя (если нет, надо объяснить: мы здесь погорели, но со мной ничего страшного, все уже в порядке).

Как ждал от Вас с Тамарой ответа, справился даже через посольство и Кр.<асный> Кр.<ест> (ответа, пока что, никакого — вот и про маму³ ничего узнать не могу — не спешат). Потом собрался, было, в Брюссель — куда там: нет французских бумаг, а без этого нельзя. Странно, все теперь делается как бы с тем расчетом, чтобы длить раз-

луку, неизвестность, страх за судьбу близких: наказание равно для виновных и невинных, вот уже сколько времени...

Какбыблагодарно-счастлив,когдаЕл.<изавета>Эд.<уардовна>⁴ сообщила, что и Вы, и Тamarченка уцелели! Тогда решил: раз сохранил нас Бог среди всех недавних ужасов, значит, сохранит и впредь.

Помните, у Ходасевича странно-пушкинское стих. «Старым снам затерян сонник»:

Ничего, что так туманны
Небеса и времена⁵.

Ничего это. И болезнь Ваша пройдет (только лучше бы без операций, хирургия дело опасное). Главное, что Вы не ранены, руки-ноги целы, голова на плечах, глаза видят. Так до сердца дошло Ваше: «Я еще теплый и зрячий...»

Ведь, столько людей искалечено, без глаз, посходило с ума, умерло в страшных муках.

Если все-таки у Вас есть какой-нибудь план — сообщите мне, обсудим. Я сделаю для Вас с Тамарой то, что не сделаю, пожалуй, почти ни для кого на свете, — сделаю, хоть я и эгоист, и тяжел на подъем, но это как абсолютная величина.

И все-таки, если Вы Францию предпочтете Швейцарии — напишите, буду хлопотать. (Хлопоты эти были бы не только для Вас и Тамары, но и для меня, чтобы Вас и ее иметь подле себя: я на них согласен уже из эгоизма — не думайте, Юра, что я хочу от этих хлопот избавиться. То, что пишу о трудностях здесь устроиться, писано без задней мысли).

Ну вот. А теперь, совсем немножко о стихах. Как был рад Вашим нескольким строчкам! Так по-вашему это: «Все так царственно...» — слышу, как Вы это (великолепно) читаете: вещий клеток.

Если когда-нибудь выйдет у Вас, пусть хоть рукописная, книжка таких стихов, это будет знак, что не напрасно Вы страдали (не стоит бояться слов) и не напрасно выжили. Пришлите еще, Юра, милый, это такая радость для меня. Я ведь здесь тоже сам-друг*, только книги — купил несколько десятков в Париже. Кое-что удалось от огня спасти — между прочим, *Круг* с отзывом пок<ойного> Штейгера о Вас, Боратынского, *Числа* с моей физиономией (распродано!), но многое незаменимое сгорело — *Сев.<ерный> Берег, Камень*⁶, Вами подаренный. Но спасибо судьбе за сохранившееся, за архив, сильно, правда, отощавший: перечитываю Ваши прекрасные письма, утешаюсь. А карточки Вашей больше нет, когда можно будет, пришлите, любительскую. (Если газеты и журналы до Вас не дошли, напишите, постараюсь прислать еще раз.)

Тронула забота о моих стихах. А Ваши-то стихи, *Пров. <инциальные> Записки*⁷ и все пр. тоже в сохранности, в Базельском архиве? Надо бы и Тамарины послать туда же. А Ваш собственный роман пишете такой, чтоб можно было устроить в печати? Заработать деньги?

Кажется, удастся переслать Вам к праздникам кое-что посущественнее книжной посылки — это трудно, разные препятствия, но хлопоту уже давно. Раз в разрешении отказали.

Мы еще все переживем, выживем, все заживет. И «наследие», о котором пишете, увидите. Возможность переуступки в другие руки, конечно, совершенно исключена.

Одно только покамест скверно: с бумагами на Вас, с визой и пр., все как-то не получается, нельзя Вас оформить.

Говорил о Вас в Париже с двумя адвокатами. Отвечают: даже с большими деньгами очень трудно. Вот если бы Вам сначала попасть в Швейцарию, и уже оттуда в качестве *displaced person, deportee politique*, человека с невыясненным подданством, проситься сюда, соглашаясь работать в сельск<ом> хоз<яйстве> или промышленно-сти — тогда, кажется, можно было бы разрешения на визу добиться. Тогда мне обещали содействия в Вашем консульстве.

Но устроиться здесь очень трудно. Юра, я не думал, что здесь так тяжело живется. Мои работодатели Вас не примут (это совершенно невозможно — справлялся, просил — невозможно вообще во Франции). Если бы меня рассчитали, совершенно не знаю, что бы я тогда делал. Французы к иностранцам относятся прескверно, даже зная ремесло какое-нибудь и, в совершенстве, язык, жить иностранцу горько. Если бы еще были связи! Из рижан здесь только Гал.<ина> Ник.<олаевна> Доред, знакомая Тамары, человек милый, но едва ли она может нам оказаться по-настоящему полезной, а среди парижан я полезных связей не завел. Литературным трудом здесь нам заниматься нельзя. Как зарабатывать на жизнь?

*Или, все-таки, есть у Вас там кто-то, с кем поговорить? <Примеч. И. Чиннова>

Комментарии

ОР ИМЛИ. Ф. 614. Оп. 2.2. Ед. хр. 4. Окончание письма не сохранилось.

¹ Юрий Павлович Иваск и его жена оказались после войны в лагере для перемещенных лиц (ди-пи, DP — *displaced persons*) в Гамбурге. После окончания войны Чиннов и Иваски на время потеряли друг друга. В письмах обсуждается возможность переезда Ивасков в Швейцарию или в Париж.

² Письма, отправленные уже из Парижа, с нового адреса. Чиннов оказался в Париже после того, как американские солдаты в мае 1945 г. освободили его из немецкого лагеря в Вуппертале, где он находился с 1944 г. Потом Чиннов больше года служил в американской армии — охранял немецких военнопленных, размещенных в небольших городах под Парижем.

³ В лагере И. Чиннов потерял связь с матерью, Александрой Дмитриевной Чинновой.

⁴ Елизавета Эдуардовна Малер (1881–1970) — профессор русского языка и литературы в Базельском университете. Некоторые из своих бумаг Ю. Иваск посылал ей на хранение.

⁵ Стихотворение В.Ф. Ходасевича (1886–1939) «Старым снам затерян сонник...» (1922).

⁶ «Круг. Литературный альманах» (Париж), где в № 3 за 1938 г. была рецензия А. Штейгера на книгу стихов Ю. Иваска «Северный берег. 1933–1936»⁸. «Камень» — видимо, книга О. Мандельштама (см.: [10, с. 7–59]).

В десятом номере журнала «Числа» (1934) была дана фотография сотрудников «Чисел», где был изображен и Чиннов.

⁷ Частично «Провинциальные записки» были напечатаны Ю. Иваском в 1934 г. в журнале «Новь» (№ 7). Роман Ю. Иваска «Осенняя утопия» — так Чиннов называет его в одном из писем, — напечатан не был.

4.

14.4.1946. Париж

<Начало письма утеряно>.

Да, Юра, вот уже и Пасха. Помните, как мы все трое были в Покровской церкви, на кладбище, где похоронен папа? Как много знакомых, бывало, встречал по воскресеньям, выходя из собора. А перед парижской церковью ходишь в толпе — все чужие, и так явственно одиночество: грустное времяпровождение.

Не хватает Вас с Тамарой, не хватает Плюханова¹ — все-таки он был мне очень близок душевно. Как хотелось бы, чтобы близко были те, кого любишь. Очень тяжело, когда думаю о маме.

Куда нас в конце концов забросит судьба, что с нами станется? Так темно будущее, так все запуталось.

У Евгении Александровны² все-таки поддержка, защита, а мама, ведь теперь, м.б., совсем одна там. Старенькая, беспомощная. Ужас

⁸ Штейгер А.С. Ю. Иваск. Северный берег // Круг: альм. Париж, 1938. № 3. С. 182–185.

один, что случилось, не могу об этом думать. И постоянно эта мысль, нет покоя.

Слава Богу, что Вы с Тамарой. Она ведь, действительно, герой. Только что у нее с железой? Заставьте ее лечится и есть. Я ей пишу, что страхи ее совершенно напрасны (это наверняка. Так совершенно окончательно решено — у меня точные сведения) — успокойте ее.

Да, слава Богу, что она у Вас есть. А кто тому косвенно причиной? Дуся³!

Еще о делах. Хотите, вышлю английский и французский словари?

Крепко Вас целую, милый Юра, будьте здоровы, «бросьте все хворобы». Вчера написал, что хочется мне

.....

И верить — ничего не понимая,

Не страшиться ни о чем⁴.

Христос Воскресе! Ваш Дуся.

Комментарии

ОР ИМЛИ. Ф. 614. Оп. 2.2. Ед. хр. 4.

¹ Плюханов Б.В. (1911–1993) — близкий друг И. Чиннова. Они учились в Риге в одной гимназии. После войны у них установилась переписка, которую они поддерживали всю жизнь. Он не эмигрировал — жил в Риге, был членом РСХД, написал воспоминания о матери Марии, печатался в журналах «Радуга», «Даугава», «Таллин».

² Мать Юрия Иваска.

³ Чиннов познакомил Иваска с его женой, Тамарой Иваск.

⁴ Начало стихотворения Чиннов не приводит.

5.

Ю.П. и Т.Г. Иваскам

7.9.1946

Russian

Дорогие мои милые Собаки!

10 минут назад пришли Ваши каракули, ну вот, как хорошо, рожи вы мои родные! 30 августа послал Вам из Парижа большое письмо на адрес Camp 2/3 <нрзб.>

Пупсы, счастлив страшно: мама жива!! Слава Богу! Живет в Берлине, в советской зоне города. Адреса пока не знаю, но на днях дол-

жен прийти ответ от Родинки¹ — он тоже в Берлине, но в американской части.

А теперь я — бегом на почту.

Дай Бог, придет время, и Вы о своих потерях услышите, что живы.

Привет О.В². Пишите. У Вас времени больше. И ждите IMPRIME³ и еще кое-чего от Вашего Дуси.

PS. Рудинке и маме сообщил адрес в предместье Парижа, постоянный.

Комментарии

ОР ИМЛИ. Ф. 614. Оп. 2.2. Ед. хр. 4.

¹ Неустановленное лицо.

² Неустановленное лицо.

³ Напечатанное (фр.). Имеются в виду французские газеты.

6.

23.10.1946

Рейн.

Дорогие мои,

Псылаю Вам опять газет и журналов — 2 пакета. Это по счету 5-ая и 6-ая посылки! И не понимаю, куда девались предыдущие — назад они не пришли. Почему Вы редко пишете? Я занят. А Юра почему так редко меня вспоминает?

Чувствую себя скверно — мои письма маме пришли обратно, с пометой — этот адресат в Адлерсгофе неизвестен, и что поиски его остались без результата. А от Руди никакого ответа. Если она не переехала на его сторону, то не знаю, что и думать.

Но не хочу Вас заражать своим настроением.

Скоро окажусь без работы — и что тогда делать, неизвестно. В Германию ехать совсем не стоит, а куда еще? Здесь непрочное, неустойчиво. Что собираетесь начать Вы? Так мало об этом пишете. Ведь, это так теперь насущно. Есть там у Вас возможность поехать в Канаду?

Ответьте поскорее, Пупсы. Целую Вас, дураков.

Ваш Фукс-Дуся.

Комментарий

ОР ИМЛИ. Ф. 614. Оп. 2.2. Ед. хр. 4.

7.

29.12.1946. Париж

Дорогие мои Тamarченка и Юра!

Вот я и без работы. В Париже — очень бы хорошо, но — помните, у Червинской!:

Такая вдохновенная тоска

При тихой мысли о насущном хлебе.

Какое-то время можно будет как-то барахтаться, но, в общем, жить здесь трудно, и, в самом деле, не махнуть ли в Аргентину? (Если, вдруг, окажется возможно). Что Париж прекрасен, нет надобности особо подчеркивать, и страшно жалко менять его на аргентинскую полудивилизацию (хотя там и большие города, и интеллигенция, и места с хорошим климатом) — что делать — жалко, а есть, например, надо. Вот если бы и Вы туда махнули! Ведь, кажется, лагерное Ваше сиденье не навек — и Аргентина именно *displaced persons* и собирается принять с наибольшей охотой.

Напишите, Пупсы, очень одиноко: тянет меня парижский мой круг знакомых расширить, да только делать это надо подумавши.

Вот, если бы узнать, что мама жива и здорова. Но как еще надеяться?

Если бы послала нам судьба счастья в новом году!

Спасибо, Юра, за стихи про залы. Очень хорошо, но («но» — потому, что Вам вспомнилась Анна Ахматова) — мне вспомнился Кузмин. Прекрасно: «хочется вечностью клясться», — но можно, разве, рифмовать это со «сняться»? А почему Пупс² стихов не пишет? Пришлите стихов оба. Поняли.

Шлю Вам еще газет и журналов. (Сколько газетных посылок Вы, в конце концов, получили?)

А как утопический роман? Что собираетесь с ним делать?

Напишите вообще о планах. Надо бы нам что-то придумать, но — что? (Хорошо сказано, а, умница, вообще!)

Что Олег Васильевич? Кланяйтесь ему. А Ташенька³ где, интересно?

После напишу больше и, надеюсь, умнее.

Любящий Вас Игорь

Комментарии

¹ Цитируется стихотворение Лидии Червинской «Не правда ли, такие облака...» (Париж, 1945 г.), где есть строки:

Эх, хорошо, что кончилась война,
Что празднуют свободу и победу.
На торжество разобраны места
(Герои фронта, тыла и изгнания).
Да. А для нас свобода — нищета
И одинокий подвиг созерцанья.

² Так И. Чиннов звал жену Ю. Иваску. В юности она писала стихи и печаталась под фамилией Шмелинг.

³ Шюрхольц Татьяна Александровна (урожденная Рысина, 1912(?)–1992) — журналистка, до войны жила в Риге, позже работала на радиостанции «Свобода». В тридцатые годы в Риге они с Чинновым были очень близки — Чиннов считал ее своей невенчанной женой. Но потом они расстались.

8.

Ю.П. Иваску

Январь 1947. Париж

Дорогой Юра!

Недели две, изо дня в день, ждал от Вас и Тамары письма. Так был рад, когда, наконец, дождался. Так захотелось опять Вас обоих видеть. Как Вам перебраться сюда? Как здесь устроиться? Пусть Тамара Вам прочтет, что по этому поводу ей пишу¹. Литераторы (не выдержал, познакомился, вижусь) Вас очень помнят: Зуров и Варшавский² велели кланяться. Думаю, что «климат» здесь для Вас был бы благоприятный — морально. Некоторые опасения мои, в общем, рассеялись (пока это так). Но практическая сторона дела. Зуров и Варшавский служат ночными сторожами у американцев, зарабатывать здесь трудно, комнату найти (и оплатить) — задача едва решаемая: когда меня через два месяца выгонят, не знаю, куда, и идти (до той поры Вы могли бы поселиться у меня). Конечно, неизвестно, чем Ваше сиденье там кончится, неизвестно, что ждет Вас в какой-нибудь Аргентине или Аляске. Но неизвестно и то, какой оборот примут дела во Франции в будущем, но пока здесь дышится все-таки вольно, ни преследований, ни гонений. Рад был бы от всей души, если бы вы оба очутились здесь, но вдруг потом вы меня обвините за это эгоистическое желание вас видеть? Вы свободнее, я ведь ищу работы и бегая. Целую Вас, милый Ю.

Ваш Игорь Дуся, навсегда.

Комментарии

ОР ИМЛИ. Ф. 614. Оп. 2.2. Ед. хр. 5.

¹ В приложенном письме к Т. Иваск И. Чиннов пишет, что трудно найти и комнату, и работу, а на жизнь нужно не меньше 5000 франков на человека.

² Зуров Л.Ф. (1902–1971) — писатель, секретарь И. Бунина.

Варшавский В.С. (1906–1977) — писатель, литературный критик.

9.

Ю.П. и Т.Г. Иваскам

20.01.1947. Париж

Дорогие Тамарчонка и Юра, должно бы уже быть от Вас письмо, а его нет. Как Вы, получили ли мою газету, посылку? (Увы, другой, съедобной устроить и не придумаю, как). Какие «виды на будущее», какое ремесло собираетесь оба изучать. На что думаете жить? Для себя — у меня на такие вопросы все еще ответа нет — а надо их как-то решать, каждый день стоит денег; трудно без американцев¹: быть безработным в Париже — это хорошо, если сыт.

Но очень все-таки было бы жаль Париж покинуть. На днях увижусь с Адамовичем² — Вам, Юра, будет прислан подробный отчет.

Теперь вот что. Почта между Германией и Францией, не на лагерные адреса, ходит ужасно скверно. Я запросил Вуппертальские Einwohneramt u fur laenderamt³ относительно мамы, но ответа нет. Вупперталь — это тоже британская зона. Не могли бы Вы, пупсы, мне помочь, посоветоваться с Ол<егом> Вас<ильевичем> (прилагаю письмо для него): не может он запросить также лагеря DP по направлению от сов.<етской> зоны к Вупперталю? Ведь там ведутся картотеки: м.б. мама в одном из таких лагерей. Помогите, если можете.

Часто о Вас думаю — очень и вас, и себя, всех нас жалко. Как разметало нас по белу свету, и куда-то еще забросит, и что вообще нас ждет? Могли ли мы думать, что окажемся там, где оказались? Как это все страшно — а будущее еще страшней. Но что делать. Не унывайте дорогие мои ребята.

Ваш Игорь — Дуся

Комментарии

ОР ИМЛИ. Ф. 614. Оп. 2.2. Ед. хр. 5.

¹ И. Чиннов имеет в виду свою службу в американской армии.

² Адамович Г.В. (1892–1972) — поэт, литературный критик. После эмиграции жил в Париже.

³ Адресный стол, ведомство по делам иностранцев.

10.

26.04.1947. Париж

Дорогие мои ребята,

Христос Воскресе! Чмокаю обоих троекратно. Спасибо, Юра, за хлопоты насчет мамы: я знал уже от Sauer, что она до Вупперталя не доехала, — а в Latv. Centr. Kartotek'e¹ она значится, вероятно, потому, что я им писал и просил навести справки во всех лагерях. Из Вупп. Auslaenderamt'a пришла открытка: nicht gemeldet². Да, скверно дело.

От Олега Васильевича пришло очень шутивное послание, я на него, впрочем, никаких надежд не возлагал. К кому еще обращаться — не знаю, потерял надежду вообще. Хотел для мамы лучшего, а получилось хуже — лучше бы ей было остаться. Писал еще как-то раз Рославлевой³ (она мне написала еще летом) — ответа пока что никакого.

Поговорим о Вас. Скоро, должно быть, получите немного съестного — удалось, наконец, через американцев устроить. А газет я Вам послал 3 пакета за последнее время (правда, 3 недели газеты не выходили!) — дошли они до Вас?

Боюсь, как Вы там, и Вы, и Пупс? Без жиров, без белков. Грустно все. Слава Богу, хоть зима прошла. Старайтесь, милый, попасть в Англию — и старайтесь внушить властям, что Вы оба — элита, не рядовые ди-пи, чтоб с Вами больше считались. Кстати, роман Ваш, — нельзя его устроить в печать? Хорошо, вот, что читаете английские газеты, конечно, надо учить язык.

Нет у Вас нескольких стихотворений? М.б., удалось бы их здесь огласить в писательской среде, а затем — устроить в печать. (Кстати, Вам поклон от Варшавского.) Литераторы ко мне очень благоволят, благоволили бы и к Вам. Адамович, хоть и не любит бесед (откровенно признается), не раз со мной сидел (часами) в кафе, был я и у него; он и Терапиано⁴ рекомендовали меня в члены Объединения русских поэтов и писателей⁵ (каковым я и стал, и стихи буду читать на вечере). Бываю у Вл. Смоленского⁶, Гингера⁷ с Присмановой⁸, вижусь с Г. Раевским⁹, видел 2 раза, кстати, Элиту-Вильчковского¹⁰ (он Вас хо-

рошо помнит); слышал Бердяева — и пр., и пр. С Червинской¹¹ тоже на днях увижусь. Что до Мамченко¹², то он нигде не показывается: разбранили его «Звезды в аду», он и обиделся. Г. Иванов с Одоевцевой соблаговолили меня вспомнить¹³. — Но все эти мои знакомства* только для души, а работы у меня нет (надо поступать на ремесленные курсы, только неизвестно, на какие); комнаты нет, через неделю надо съезжать, куда, неизвестно: с комнатами здесь очень трудно! А главное — работа. Точнее, вопрос заработка. Ах, ребята, как не хочется становиться ремесленником! И ведь никакой надежды на лучшее, никакого «просвета» впереди! На что надеяться? Говорят, возможна война, но это не надежда, а ужас.

Если бы придумать какую-то возможность заработка не «ремесленного»!

Что же у Тамарчонка с глазом? Пупс, милый, береги себя, пожалуйста, ради нас с Юрой! Пишешь ли ты стихи? Пришли, прочту поэта́м. — Ребята, нет ли у Вас лишней карточки с Вашими рожами? Хочу Вас видеть! Пришлите, а? (Свою прилагаю). И стихи — оба!

Ах, приехали бы сюда, хоть в командировку!

Думаю, Вы могли бы написать Мамченко и Варшавскому, и другим (Гингер очень симпатичен, например). Кстати, и Ладинский¹⁴, и др. «левые» все-таки очень терпимы к инакомыслящим.

Надо кончать. Как мало у меня времени, как это ужасно, это самое страшное, почти, лишение! Беготня, все в поисках чего-то, а потом, когда найду, начну работать, ведь еще гораздо меньше станет. М.б., и не до поэтов уже будет! Напишите, дошло ли съестное, и газеты дошли ли?

Целую обоих крепко. Привет Олегу Васильевичу (скажите, что письмо получено). Не забывайте, пишите. И — поделитесь всякими Вашими планами: давайте думать, вдруг и надумаем что-нибудь!

Кстати, Вы пишете о параллаксе. Они здесь, в общем, не очень «удобны».

Пупсы!

Бошел, а затем бегал, ища спешно комнату: нам пришлось всем из дома убраться в 2 счета. А письмо, и другие все, лежат. Не сердитесь! Измучился, «искавши» (но нашел!), было ни до чего: все забросил, никого из знакомых на Пасхе не видал — не поздравил ни лично, ни по телефону, ни письменно.

Ах, если бы Вы катнули сюда!

В следующем письме сообщу адрес Мамченко (он очень славный), а Варшавский теперь очень занят — и сдержан, от всех в стороне держится. Вижу часто Адамовича, Георгия Иванова с Одоевцевой и пр.

А заработка нет, деньги тают — что грустно. Итак — пишите по

новому адресу: 119, rue de la Tour, chez Charlamboff.

Ваш Дуся

* Кстати, поэты очень терпимы: советский гражданин Гингер бывает у антибольшевизана Смоленского, Ладинский тоже терпим (хвалил мои стихи, чем я тронут). <Прим. И. Чиннова>

Комментарии

ОР ИМЛИ. Ф. 614. Оп. 2.2. Ед. хр. 5.

¹ В Центральной латвийской картотеке. Мать И. Чиннова до войны жила в Риге.

² В ведомстве по делам иностранцев Вупперталя сведений нет (нем.).

³ Неустановленное лицо.

⁴ Терапиано Ю.К. (1892–1980) — критик, поэт, мемуарист. Автор критических публикаций, посвященных творчеству Чиннова⁹ [14].

⁵ «Объединение русских поэтов и писателей во Франции» возникло после войны, туда вошли многие парижские поэты, в том числе И. Чиннов. Он вспоминал, что в Объединении были те, кто разделял «левые» убеждения, например, Г. Адамович. Литераторы с более «правыми» взглядами входили в «Союз русских писателей и журналистов в Париже», существовавший с 1925 г. и несколько лет возглавлявшийся Б. Зайцевым. Туда И. Чиннов вступил позже. О чем свидетельствует его членский билет, датированный 1951 г.

⁶ Смоленский В.А. (1901–1961) — поэт, автор нескольких книг, в прошлом — участник Белого движения.

⁷ Гингер А.С. (1897–1965) — поэт Чиннов часто бывал у него в гостях. Гингер взял советский паспорт, но в СССР не уехал.

⁸ Присманова А.С. (1892–1960) — поэтесса, жена А. Гингера.

⁹ Раевский Г.А. (1897–1963) — поэт, литературный критик.

¹⁰ Елита-Вильчковский К.С. (1904–1960) — известный в эмиграции критик, литературовед. Он был генеральным секретарем Союза Младороссов, главным редактором газеты монархистов-младороссов «Бодрость».

¹¹ Червинская Л.Д. (1907–1988) — поэтесса. Писала в духе «парижской ноты».

¹² Мамченко В.А. (1901–1982) — поэт. В 1925 г. участвовал в организации «Союза молодых поэтов и писателей». «Звезды в аду» [9] — вторая из его книг.

¹³ Поэт Г.В. Иванов (1894–1958) и его жена поэтесса И.В. Одоевцева (1901–1990) познакомились с Чинновым еще в Риге в 1930-е гг. Тогда Ива-

⁹ Терапиано Ю.К. Игорь Чиннов: «Композиция» // Русская мысль. 1973. 8 марта.

нов порекомендовал стихи Чиннова в парижский журнал «Числа», где они и стали печататься.

¹⁴ Ладинский А.П. (1896–1961) — поэт, автор нескольких книг стихов. В годы гражданской войны Ладинский воевал на стороне Белой армии, в 1920 г. эмигрировал. В 1946 г. Ладинский принял советское гражданство, в 1950 г. был выслан из Франции и некоторое время жил в Дрездене. В 1955 г. получил разрешение на въезд в СССР, где опубликовал ряд исторических романов.

11.

16.10.1947. Париж

Дорогие мои Тамарчонка и Юра,

не сердитесь, что редко пишу: грустно мне здесь живется. Много хлопот, мало свободного, времени. Ко всему в придачу, очевидно, надули меня с посылкой: давным-давно должна была придти. Этакая сволочь, надо было, все-таки, другим способом. Если бы все-таки пришла, известите меня немедленно. — Посылаю опять газеты; простите за их непристойный вид — это не я их запачкал. Дело в том, что у меня русский сосед, милый очень, но редкостно неаккуратный: я не могу отказать ему по разным причинам в просьбе дать почитать газету (прошу только не пачкать, не читать ее за едой — но не пачкать он, очевидно, не может!). Предыдущие пачки тоже, увы, носили следы его чтения.

Спасибо за адрес Инны Степ<ановны>¹. Написал ей, но, Юра! Что такое Cuinier? Если тот, у кого она живет, то: chez Mr. Cuinier. Вы мне в свое время сообщали адрес В.А. Рославлевой очень подробно (№ 91-а). Только вот, название улицы опустили. — Ну, авось дойдет. (Кстати, в переписке Вы с ней — Рославлевой? И пишете ли Гершельману²? Привет обоим от меня. А от Руди Шаубе³ есть письма? О матери его Вы, Юра, верно отзывались. — Пишет ли Елиз<авета> Эд<уардовна>⁴? От нее была летом открытка. И вот — по этому поводу, об «Осенней утопии», она отозвалась, как о вещи, для которой не найти издателя. Спрашивает у меня отзыва. Но раз Вы мне не прислали, значит, все экземпляры разосланы в места, близкие к издательствам. Или постеснялись мне послать без ясно выраженного моего желания эту вещь прочесть? Прочесть очень бы хотел, насчет издателя, однако, дело скверно. Хотя — а вдруг?..

Как с Вашим переездом куда-нибудь? Очень бы вас хотел видеть, дорогие мои, но насчет жизни в Париже, у меня опыт горький: трудно, помощи ниоткуда (литераторы — хоть ты с голоду сдохни!), бла-

готовворительную помощь прекратили, комнату дешевую найти — дело немыслимое; и за последние месяцы жизнь вздорожала страшно и все время дорожает. Работу найти можно только черную (я все еще без рабочей карты). Не знаю, м.б. у Вас там еще хуже, не знаю, как в Англии и других местах. Но здесь мне нелегко, это знаю. А литераторы, при ближайшем рассмотрении, увы, гораздо менее интересны, чем это мне казалось издали. И если есть у Вас возможность как-то жить там, иметь кров и еду, кто знает, имеет ли смысл этой возможностью пренебрегать. К жизни вы оба неприспособленны, сами знаете. Нет, трудно здесь, и зрелище чужого богатства (что и есть Париж, главным образом) — зрелище неутешительное.

Как у вас обоих со здоровьем? Что это за cholera not <нрзб.> была у Пупса? Очень меня касается все ваше — напишите подробней.

Отвечаю на вопросы. Сирин⁵ в Америке, пишет только по-английски. Адамович — по-прежнему. Червинская — в разговоре довольно криклива и, вообще, ниже и хуже своих стихов. Варшавский всех сторонится по-прежнему. Юра, Вы как-то упоминали, что получили письмо от З. Шаховской⁶. Не знал, что Вы с ней знакомы. Это как, — по Брюсселю? Она, кажется, со связями дама.

Пора спать. Нет, Пупсы, не завидуйте. Берегите себя; не забывайте, пишите. Рад всегда очень Вашим письмам. Да, разметало нас по белу свету. Увидимся ли до следующей войны? — А о маме по-прежнему никаких вестей. Ну, целую Вас обоих.

Ваш Игорь

Комментарии

ОР ИМЛИ. Ф. 614. Оп. 2.2. Ед. хр. 5.

¹ Неустановленное лицо.

² Гершельман К.К. (1899—1951) — эссеист, поэт, жил, как и Ю. Иваск, в Эстонии, а после 1940 г. переехал в Германию.

³ Рудя Шаубе — неустановленное лицо. Через него Чиннов надеялся получить информацию о своей матери.

⁴ Елизавета Эдуардовна Малер — см. выше.

⁵ Сирин — В.В. Набоков (1899–1977) — писатель.

⁶ Шаховская З.А., княжна (1906–2001) — поэт, писатель. В 1920-е гг., после эмиграции, оказалась в Брюсселе и участвовала в Бельгийском клубе русских литераторов. В 1945–1948 гг. была военным корреспондентом. Участвовала во французском Сопротивлении, была редактором Французского информационного агентства, а позже — главным редактором «Русской мысли».

12.

1947. Париж

Дорогие мои бешенные Пупсы,

уже, было, Вам написал, а тут вдруг от Вас снова целых 2 письма, вот это славно. А то, долго молчали, собаки. Посылаю, чего мог достать. Сахарин здесь, оказывается, предмет редкий, обошел 8 аптек, случайно, наконец, через знакомого удалось коробочку найти. А газет, друзья мои, пока что нету, не покупаю, слишком обеднел. Работы все еще никакой, а была обещана, остановка была за рабочей картой: карты не давали целых полгода, и место ушло. Очень здесь все сложно. Боюсь, и Вам в Париже не было бы легче. Боюсь. Институт платит студентам «пособие на еду» — 2500 фр. в месяц — прожить немислимо.

Апраксиным перешлю. Пишите, Юра, почаще, пока хоть Вы свободны. И позвольте как другу, наученному горьким опытом, Вам сказать, милый: надо изучать что-то, ремесло, языки, чтобы что-то знать, надеяться на труд интеллектуальный невозможно. Очень трудно, и помощи ждать неоткуда. Литераторам грош цена. Если выедете из Вашего кампа¹ — придется тяжело.

Целую Вас обоих. Не забывайте. Дай Бог, чтоб в Новом году стало легче. Не можете ли Вы, Юра, хоть без Пупса, если нельзя обоим, выбраться сюда на побывку? На несколько дней. Очень бы хотел Вас видеть.

Новый адрес: 109, av. Henri Martin, Paris 16^e.

Ваш Игорь, Дуся

<Тамаре>

Какие ремесла изучают у вас в лагере? Без ремесла, без языка — ехать, конечно, никуда нельзя. Надобно что-то изучать. А потом — надобно, мне кажется, все-таки перебраться в Южную Америку, подалее от войны. Нет у вас сведений об Аргентине, например? Олег Васильевич, наверное, хорошо осведомлен. Поинтересуйся. Думаю, что надо нам всем метить в Буэнос-Айрес.

Нашел первое письмо, шлю оба. Пишите! Расспрашивайте других, что PS. Хорошо бы Юре изучать ремесло, английский или испанский.

Комментарии

ОР ИМЛИ. Ф. 614. Оп. 2.2. Ед. хр. 5.

¹ Лагерь для перемещенных лиц.

13.

12.1947. Париж

Дорогие Тамачонка и Юра,
с Новым Годом, с Рождеством Христовым! Так хочется Вас пови-
дать, так хочется, чтобы стало нам лучше житься, но надежд на улуч-
шение не очень много. А за океан — что там делать, на кого опереться
вначале? И по-испански ни слова никто из нас.

Спасибо, от души, за прекрасные Ваши письма. Да, Юра, хочет-
ся верить еще во что-то лучшее. Простите, что пишу так отрывочно:
жизнь моя теперь вообще отрывками, обрывками.

Мне здесь, признаться, трудно. И новый год радости не сулит. На
встречу с мамой надеяться все труднее¹ — и вообще все скверно,
очень даже скверно, братцы мои. Но какой-то я взял тон не совсем
подходящий для новогоднего поздравления. Простите.

Пишите мне почаще, все-таки, поддерживают Ваши письма.

Когда мы увидимся, увидимся ли? Да, славную с нами судьба сы-
грала шутку. Целую обоих крепко.

109, avenue Henri Martin, Paris, 16e

Всегда Ваш, Игорь.

Комментарии

ОР ИМЛИ. Ф. 614. Оп. 2.2. Ед. хр. 5.

¹ Позже Чиннов выяснил, что в дом, где находилась его мать, попала бомба.

14.

1.11.1949. Париж

Дорогие мои Тамаренька и Юра,
поздравляю с Америкой! Рад очень, что убрались из Германии и
убежден, что будет лучше, чем там, и чем во Фр<анции>, где сам все
еще продолжаю нищенствовать, безо всякого просвета в будущем —
если только тоже не уберусь.

Вот Вам мои, Юра, «заветы»:

1. Искать постоянного заработка — лектора русского языка или че-
го-нибудь попроще (в Ам<ерике> уважают только тех, кто зарабаты-
вает, хотя бы ассенизаторским промыслом, лишь бы зарабатывать) —
не стремитесь зарабатывать непременно интеллектуальным трудом.
И берите службу, не дожидаясь, когда «вгрызетесь» в английский

язык как следует: поступайте к американцам, братайтесь с ними, общайтесь — и научитесь слэнгу в два счета. С русскими же водитесь лишь между прочим (это так в начале): и только с кругами НЖ, не с левыми. Быть и с теми, и с другими в Н-Й нельзя! Именно — Федотов¹, Зензинов². А статью³ (о ней — ниже) напишите ясную и такую, чтоб понравилась Карповичу⁴ и Вишняку⁵: отчетливую, без метафизики — и Адамовича хвалите с большой осторожностью — его из-за «Р<усских> Нов<остей>»⁶ считают коммунистом! Даже, раз Вы уже «вне досягаемости», можно в статье немного и политики, побранить большевизанов: это к Вам расположит многих, и даже иную цитату из «Новоселья»⁷ тогда простят. И помните, что Х.П. Кроткова⁸ милая, но прожекторка, и новые знакомства заводите с осторожностью!

А не могут общ<ественные> благотворительные организации Вам на первых порах помочь? Похлопочите! Здесь спросили о Вас (из Н-Й) у Терапиано⁹. Т.к. я ему, и всем, здесь о Вас уже давно прожужжал уши, надо думать, отзыв будет (или был) лестный. Берберова¹⁰ тоже о Вас слышала от меня. Мы с ней встретились, кстати, на днях в метро — и она была очень приветлива, совсем как в прошлом году. Спасибо, что за меня вступились, Юра! И поддерживайте с ней «зачочную дружбу» — советую.

О статье: непременно напишите! (И рад буду, если пришлете «предварительно» — и верну сейчас же, раз Вы на почтовые купоны так по-американски щедры теперь!) Думаю, что все парижские книги в Н-Й должны быть, это не Гамбург! Только огорчен, что Вы всех нас, и меня в том числе, хотите обозвать (в печати) провинциалами! Даже и не согласен: Валерии и Рильке, действительно, на «парижан» не повлияли, но это ничего! А диалога с Фр. у фр. поэта, или с Англией у англ. не возникает, главным образом, потому, что у него эта Фр. или Англ. под носом, тогда как у эмигранта Россия, все-таки, нет — хотя, согласен, что тема России все же не главная тема, и а *la longue*¹¹, в особенности, «провинциальная, т.к. боковая». А о ячестве Вы правы.

Стихотворение мое о Пушкине¹² цитировать Вы вправе вдоль и поперек, и я только спасибо скажу.

«Переходя на личности»¹³: Гингер талантлив и мастер, еще талантливее был раньше; интересна Присманова; есть дарование у Т. Величковской (все трое мои друзья, поэтому их отмечаю в первую голову: кумовство!). Корвин-<Пиотровский> — фокусник, ловкач, но сказать ему, кажется, нечего. Райс — не дописался еще до своего. Рогалья интересен лишь тем, что злейший враг Адамовича. Одарченко — шут, не без таланта, присвоил чью-то манеру. Величковский и Щербаков чрезмерно раздуты. Луцкий — здесь не ценится никак

(старый, из Праги, друг Кротковой). Раевский мнит себя Гете, но не без достоинств. Ладинский (он совпатриот и уезжает в Россию) исписался совсем, когда-то был прелестен. Есть тонкость у Заковича. А Богаевский = Доброхотову: merde! Есть нечто у Н. Оцуца. Можно бы сказать сочувственно о Терапиано.

С интересом буду ждать статьи — и письма: ведь у Вас каждый день новые встречи, опыты. Как нью-йоркский климат? Можно ли есть не консервы, а свежее? Сколько стоит прачка? И т.д.: проза — бок о бок с поэзией.

Теперь о себе: здесь предположен выпуск ряда сборников, в том числе — моего!!! Месяца через три-четыре получите книжку!!!¹⁴ Большая часть расходов оплачена, но немного денег надо собрать самому (найти подписчиков). Это уже сложнее, но — авось. Недавно на вечере читал — и Адамович восхитился вслух: «Вы читали прекрасные стихи!», — и у Бунина ораторствовал, что «ставит на Чиннова», что давно не слышал ничего столь прелестного, что даже «разволновался», а по поводу моего «Пушкина» и «Гаданья»¹⁵, которых я ему послал летом в Ниццу, писал Бахраху¹⁶, что с совершенно забытым «поэтическим волнением» их читал и перечитывал: они «совершенно прелестны!». На вечере меня превозносили Терапиано и Маковский¹⁷ (председатель и зампредседателя), Иванов хвалил уже (раньше) — «так что голову вскружило!».

Да: Терапиано, Гингер и Маковский утверждают, что я лучше последнего Штейгера¹⁸ (после «Неблагодарности») — которым серия выпусков откроется. А Присманова — «горда дружбой со мной!»! Знай наших! — Шапками закидаем!

Часть творений прилагаю. Остальное — следует. Покритикуйте, Юра! Покажите Пупсу!

Как жаль, что «надо жрать»! А жрать надо. И вот: Ел. Эд. мне предложила место в Мельбурнском Университете, от которого Вы отказались. Послал *cart. vitae*¹⁹, но не знаю, не поздно ли. А если не поздно, не знаю, стоит ли ехать в эту Австралию, одному, никого там не зная. И английский язык!!! Вдруг войны не будет? Нью-Йорк меня пугает климатом и темпом (как Вы их выносите?), и добраться нельзя (а в Австралию обещают, по словам Е.Э., на их счет). Что Вы мне (и Пупс) оба советуете? Напишите поподробнее об Америке!! Поклон Кротковой! Целую обоих и жду письма и статьи. (Пупс пусть пока не пишет, раз устает, но потом, после, пусть черкнет все-таки!)

Дуся

PS. Еще сенсация: я устраиваю вечер! Адамович сам советует, и вызвался сказать вступительное слово, хвалебное! М.б. еще будет го-

ворить Вейдле²⁰, или Маковский, или Терапиано. Думаем, в середине декабря; плохо только, что много конкурентов: авось!

Комментарии

ОР ИМЛИ. Ф. 614. Оп. 2.2. Ед. хр. 7.

¹ Федотов Г.П. (псевдоним Е. Богданов, 1886–1951) — блестящий публицист, историк, философ. Его статьи печатались во многих журналах. В эмиграции он издал несколько книг по истории православной церкви.

² Зензинов В.М. (1880–1953) — политический деятель, эсер, в эмиграции издавал журнал «За свободу», сотрудничал во многих журналах.

³ Чиннов имеет в виду статью Ю. Иваска «О послевоенной эмигрантской поэзии», опубликованную впоследствии в «Новом журнале» (1950. № 23).

⁴ Карпович М.М. (1888–1959) — профессор истории Гарвардского университета, в 1949–1959 гг. — главный редактор «Нового журнала».

⁵ Вишняк М.В. (1883–1975) — политический деятель, в эмиграции — редактор «Современных записок», публицист, мемуарист.

⁶ После войны Г.В. Адамович был постоянным литературным критиком просоветской газеты «Русские новости».

⁷ Журнал «левого» направления «Новоселье» выходил с 1942 г. в течение восьми лет, в Нью-Йорке, а затем в Париже.

⁸ Кроткова Х.П. (1904 — 1965) — поэт, критик, журналист. С 1939 г. жила в Нью-Йорке. Работала в русской редакции «Голоса Америки», была переводчиком в ООН. Подавала неосуществимые идеи, как Чиннову перебраться в США.

⁹ Чиннов, уехав из Парижа, многие годы поддерживал с Ю. Терапиано переписку.

¹⁰ Берберова Н.Н. (1901–1993) — поэт, прозаик, литературный критик, жена В. Ходасевича. И. Чиннов был на нее обижен за отрицательную рецензию на его первый сборник «Монолог», которую Н. Берберова напечатала в 1950 г. в «Русской мысли». Но чем она его задела в 1949 г. — неясно. Позже она подарила Чиннову свой сборник «Стихи. 1921–1983» [3] с надписью: «Подававшему и оправдавшему надежды от ценящей его стихи Н. Берберовой».

¹¹ На длительный период (фр.)

¹² Стихотворение «Читая Пушкина» в тот момент еще нигде не было напечатано. Впервые оно появилось в журнале «Новоселье» за 1950 (№ 42–44)¹⁰, а потом вошло в книгу «Монолог» (1950) [16].

¹³ Чиннов дает оценки известным в то время в эмиграции поэтам. Во многом время подтвердило правильность его слов. Избежать забвения удалось таким поэтам, как А.С. Гингер, его жена А.С. Присманова, Т.А. Величковская

¹⁰ Чиннов И.В. Читая Пушкина // Новоселье. 1950. № 42–44. С. 76.

(1908–1990), В.Л. Корвин-Пиотровский (1891–1966), Э.М. Райс (1909–1981), Ю.П. Одарченко (1903–1960), А.Е. Величковский (1901–1981), Н.А. Оцуп (1894–1958), его брат Г.А. Раевский (1897–1963), А.П. Ладинский, Б.Г. Закович (1907–?), Ю.К. Терапиано. А вот другие упомянутые Чинновым поэты действительно в эмиграции были вскоре забыты, и даже не удалось найти их годы жизни. Хотя Ю. Рogaля-Левицкий, Е. Щербаков, С. Луцкий в свое время печатались в зарубежье и выпустили свои сборники стихов.

¹⁴ Книга стихов Игоря Чиннова «Монолог» вышла в 1950 г. в известном парижском издательстве «Рифма», специализировавшемся на издании стихов. Оно субсидировалось Р.С. Чеквер (поэтический псевдоним — Ирина Яссен).

¹⁵ Речь идет о стихах «Читая Пушкина», и, видимо, об этом:

Петух возвещает,
Что ночь позади;
Кукушка — что столько-то лет
Еще впереди.
Куку или кукареку —
Значенье одно:
Что сыплется (будь начеку!)
Струею зерно.
Ты знаешь, есть птица одна,
Она не поет:
Лишь время, как семя, она
Неслышно клюет.

¹⁶ Бахрах А.В. (1902–1985) — литературный критик, мемуарист, приятель Адамовича, а позже — хороший знакомый Чиннова, они много лет переписывались. Книга А. Бахраха «Бунин в халате» издана в России [2], выходят и другие его мемуары.

¹⁷ Маковский С.К. (1877–1962) — бывший главный редактор петербургского «Аполлона» и редактор издательства «Рифма». В данном случае неясно, на каком вечере Ю. Терапиано был председателем, а С. Маковский его заместителем.

¹⁸ Поэт А.С. Штейгер (1907–1944) в 1936 г. издал в Париже сборник «Неблагодарность» [19]. А в 1950 г. с его книги «Дважды два четыре» [18] началась деятельность издательства «Рифма». Штейгер известен и своей перепиской с М.И. Цветаевой.

¹⁹ Автобиография.

²⁰ Вейдле В.В. (1895–1979) — историк искусства, специалист по теории литературы и стихосложения, культуролог, литературный критик, поэт.

15.

Ю.П. Иваску

10.1.1953

Дорогой Юра!

Ваше предисловие¹. Сперва о делах.

1) Очень (очень!) советую выкинуть, что мэтрами парижан являются якобы (по се время?!!) Адамович и Ходасевич. Во-первых, это действительно неверно, даже если говорить о прошлом, и, в частности, неверно относительно Адамовича: он был мэтром только Штейгера, Червинской и чуть-чуть Терапиано и Софиева². На стихи же Раевского, Смоленского, Маковского, Присмановой, Гингера etc. etc. Адамович никакого влияния не оказал, что очевидно. Из этого вытекает дальнейшее: Вы вторично поставите Адамовича в неловкое положение и вторично его рассердите, приписав ему влияние, которого у него не было и нет. Во-вторых: парижанам нашим всем сильно за 50, многим за 60, и никому из них не может быть лестно, когда им находят мэтров, и уж менее всего они стерпят указание на зависимость их от Адамовича, которой, повторяю, нет вовсе!! Уже после вашей статьи в Н<овом>Ж<урнале> (первой)³ здесь зло смеялись, что Адамович Вам чудится всюду, под каждым стулом и в каждом столе...

2) Если дадите стихов Червинской больше, чем стихов Одоевцевой, Г. Иванов обязательно Вас как-нибудь ужалит, Вы его расположению к Вам не очень верьте. Одоевцеву он любит страстно, и предпочтения Червинской Вам никогда не простит. Кроме того, Червинская едва ли настолько уж значительно Одоевцевой, чтобы 10:6. И Маковского — 7, а Ходасевича — 13, Червинской — 10, Штейгера — 15. Обидится старик. 15 стихотворений Г. Иванова — все же слишком уж много, довольно бы и 13!

Объявлять Ладинского пропавшим без вести — прием страуса. Все знают, что его выслали в Германию, что он под Лейпцигом. Лучше бы просто указать в анкете, что она не могла быть ему вручена, за его «ненахождением».

После: «Отсюда — необходимость Антологии. Что до принципов.....»

Средину предисловия предложил бы дать в такой редакции — Ваши мысли в этом порядке:

Подобно современной иностранной, наша эмигрантская поэзия есть, главным образом, поэзия лирическая: этим определяется, конечно, основной тон нашего сборника. Основной, но не весь тон, т.к.

необходимость более отчетливого отражения эмигрантской проблематики заставляет напечатать ряд стихотворений «публицистического» характера.

Тематическое содержание Антологии обусловлено, прежде всего, наличием в эмигрантской поэзии следующих трех чрезвычайно важных (хотя и скрытых) тем, тесно связанных между собой.

Первая тема — это, конечно, Россия. В русском поэтическом творчестве эта тема всегда была одной из главных. И по сей час, когда иностранные литературы народны, собственно, едва ли не только по языку, русская поэзия (наряду с польской) остается самой национальной в Европе. Мало найдется русских поэтов, у которых эта русская тема отсутствует. Даже если нет имени России, то есть Россия как скрытый мотив. Чем это объясняется? Славянской ли тягой к матери-земле? Или особой русской привязанностью к ней? Или, наконец, особой судьбой нашей родины? Эта обращенность к России, конечно, подает повод к обвинению в провинциализме. Но бесспорно, что мы, по традициям нашим и по совести от русской темы отказаться не можем.

Вторая тема — чужбина. Может показаться, что это лишь особый аспект первой; но здесь все усложнено тем, что для многих эта чужбина понемногу становится какой-то заменой родины, и еще —

< На полях: Ваши фразы! >

усложнено тем, что, даже вернувшись в свободную Россию, мы уже не будем там вполне дома. Это связано с неизбежной переоценкой целого ряда ценностей: даже не переставая быть русским человеком, во многом не соглашаясь с иностранцами, мы кое на что все-таки смотрим с их точки зрения...

Дальше см. Ваши листки.

P.S. Спешу отослать. Послезавтра пошлю вдогонку еще большое письмо, с подробностями. Это, сегодняшнее, — чтоб могли сдать в издательство 15-го.

R.P.S. Вы пишете о советских: «кто старое помянет...». Да, ведь, паспорта-то у них советские и сейчас! И большевизанствует Софиев — и сейчас!

Простите, что отсылаю только сегодня. Был очень занят все это время — (Пытаюсь попасть на Мюнхенскую радиостанцию⁴, куда поехали Вейдле и Газданов. Что скажете? Платят около 100.000 франков!) Бегаю, нервничаю, сверх того объявились другие заботы и хлопоты... «Причесать» Ваше предисловие было нелегко. Юра, милый, я аж язык высунул, как собака, чтоб легче шло! Мысли у Вас есть, Вам есть, что сказать, написано интересно, но очень уж нестройно, беспорядочно, бессвязно: это возможно в художественной прозе, но статьи так пи-

сать — опасное дело. Теперь, по крайнему моему разумению (работал на совесть), — отчетливо, последовательно, и нет ничего, не относящегося к делу. Я думаю, что Вы еще раз десять переделаете (предисловие), Вы думали о выборе стихов, а о своем тексте и забыли.

< На полях: На 3 стр. «тема одиночество». Закончить бы: «И все-таки они одиноки». >

Целую обоих крепко. Хочу верить, Юра, что на поправки мои не обидитесь⁵! Отзовитесь скорее! Дуся.

Комментарии

ОР ИМЛИ. Ф. 614. Оп. 2.2. Ед. хр. 11.

¹ Предисловие к «На Западе: антология русской зарубежной поэзии» [11].

² Софиев Юрий (Ю.Б. Бек-Софиев, 1899–1975) — поэт. Автор книги стихов. После эмиграции поселился в Париже. Муж поэтессы Ирины Кнорринг. После войны взял советский паспорт. Вернулся в СССР. Умер в Алма-Ате.

³ В статье¹¹ Иваск писал: «Значение Адамовича в том, что он, мэтр, уклоняющийся от каких бы то ни было формулировок, сумел создать литературную атмосферу для зарубежной поэзии в парижских кафе; и “флюиды” этой атмосферы передавались и передаются далеко за пределы Парижа...» (с. 196).

⁴ В 1953 г. в Мюнхене открылась радиостанция «Освобождение», позже переименованная в «Радио Свобода». Гайто Газданов (1903–1971) и В.В. Вейдле были приглашены для работы. Вейдле занял пост директора программ русской редакции, и взял Чиннова на должность редактора отдела новостей.

⁵ Текст из письма Чиннова частично вошел в предисловие Иваска к «На Западе. Антология русской зарубежной поэзии» (см. выше).

16.

30.1.1953.

Дорогой мой чухонец и профессор Юра, пупсичий муж!

Тронула Ваша цидулька: что зовете в Америку, что соскучились. Спасибо за дружбу, верю, что когда-нибудь будем мы все трое опять вместе. Но временно — Мюнхен был бы, по-моему, выгоден и денежно, и в смысле «стажа». А?

Наверно, получили уже мое письмо со стишками и одним вопро-

¹¹ Иваск Ю.П. О послевоенной эмигрантской поэзии // Новый журнал. 1950. № 23. С. 195–215.

сом личного свойства. Рад, что взяли библиографию. И рад, что, в общем, согласны (видимо)¹ со II редакцией предисловия; конечно, присылайте и корректуру.

А Пупс как? Как Мартышка²? Поцелуйте в самую морду.

Ваши стихи в «Опыты»³: я бы дал те, «осенние», что Вы выкинули из «Царской осени»⁴ (см. наш с Маковским⁵ список). А?

<На полях:> Если будет у вас несколько мест на выбор — лучше бы и для Вас, и для Пупса куда-нибудь, где климат приятный!

Комментарии

ОР ИМЛИ. Ф. 614. Оп. 2.2. Ед. хр. 11.

¹ Имеются в виду вставки Чиннова в текст предисловия к «Антологии» (см. выше), присланные им Иваску.

² Мартышка — дружеское прозвище Тамары Иваск, придуманное Чинновым.

³ В журнал вошли стихи Иваска «Это царское изобилие...», «Не очевидно ли: не заслужено...»¹².

⁴ Книга стихов Ю. Иваска «Царская осень» [8].

⁵ Маковский был редактором издательства «Рифма», Чиннов ему помогал в работе в издательстве.

Из воспоминаний И.В. Чиннова о Русском Париже 1940–1950-х гг.

Интервью 1992 г., Подмосковье

В 1992 г. И.В. Чиннов вспоминает события, явления, людей, которые помнятся ему и сорок лет спустя — настолько они оказались значимы. Он дает им оценки, основываясь на интеллектуальном багаже профессора русской литературы и на своем полувековом опыте литератора русского зарубежья, поэта, о творчестве которого вышло более пятидесяти статей и рецензий — ни о ком из поэтов в эмиграции столько не писали.

— Игорь Владимирович, Вы говорили, что в Париже стали членом масонской ложи. Как это было?

¹² Иваск Ю.П. «Это царское изобилие...», «Не очевидно ли: не заслужено...» // Опыты. 1953. № 1. С. 37.

— Помните, у Гумилева:

Я — угрюмый и упрямый зодчий
Храма, восстающего во мгле.
Я возревновал о славе Отчей.
Как на небесах, и на земле...

Да, масоны имели очень большую власть в Европе и Америке. В Америке до сих пор на денежных знаках вы видите масонские символы — треугольник, всевидящее око — это око Великого Архитектора Вселенной. В Америке масонство существует вполне открыто. Всюду есть масонские клубы, где собираются масоны, нисколько не стесняясь. Так же было и в России до того, как Екатерина Великая, рассердившись на Николая Ивановича Новикова, масонов запретила, и их разослала по их усадьбам и имениям. Потом масонство возродилось. И при Николае II расцвело пышным цветом. Среди членов Учредительного собрания и Временного правительства масонов было очень много. Среди них — известные люди, такие как Керенский, Милюков, Гучков и др. Многие потом оказались в Париже. Когда я в Париже вступил в масонский орден, я был на низких ступенях и потому не могу сказать, что происходило на собраниях масонов 18 градуса или 33 градуса.

В Париже существовала полурусская-полуфранцузская ложа, которая называлась ложа «Великого Востока Франции». Она продолжает существовать и сейчас, и в ней представлены в основном бизнесмены. А ложа, в которой был я, принадлежала к ложам «Великого Шотландского Устава». И там было много русских интеллектуалов, помимо бизнесменов. Были писатели, поэты. Большинство «парижских» поэтов состояло в этих ложах. И когда потом, при немцах, были обнародованы списки парижских и русских масонов, парижская общественность была поражена. Оказалось, что среди масонов — цвет русской интеллигенции. Сергей Маковский, Георгий Адамович... По этому признаку — принадлежности к «цвету русской интеллигенции» — потом набирали тех, кто должен был заменить выбывших по каким-то причинам людей.

— Вас кто-то пригласил?

— Однажды, в гостях, я встретился с графом Дмитрием Александровичем Шереметевым. Ему принадлежало когда-то «Шереметево». Этот Дмитрий Александрович Шереметев, который в свое время был в свите Государя Императора и считался богатейшим из людей России, — все потерял после революции. Они не догадались перевести свои капиталы за границу. И в Париже он существовал тем, что разъ-

езжал по большим магазинам и предлагал шелковые чулки. Они в Париже жили в приличном районе, но питались очень плохо. И когда он приглашал к себе — угощение сводилось к тушеному мясу и картофелю. Он был очень благородный и интеллигентный человек. Однажды, в прихожей, стал подавать мне пальто. Я начал возражать. Он сказал: «Ничего, я лакеем никогда не был, я могу подать Вам пальто».

И вот, этот граф, Дмитрий Александрович, узнав, что я — потомственный дворянин и со стороны матери и бабушки принадлежу к родовитым русским семьям, вспыхнул ко мне интересом и сказал: «А, такие люди нам нужны». И на ближайшем собрании ложі заявил, что молодой поэт, юрист и т. д. И я получил приглашение, устное, в масонскую ложу «Астрея». Так называлась ложа во времена Радищева, а потом Пушкина. Это был специальный дом в 17-м аррондисмане Парижа на рю Пюто, где собирались французские масоны, люди весьма богатые, и где русским масонам было уделено помещение, так называемый «Храм», то есть, просто большая зала со всяким масонскими символами на стенах. Происходило все в 1948 году. Прежде всего, меня оставили в комнате размышлять. Потом учинили допрос. Человек шестьдесят стояли вокруг меня с обнаженными шпагами. Меня спросили, откуда я узнал о существовании масонства. Я сказал, что, во-первых, в «Войне и мире» об этом говорится много и со знанием дела, что еще есть роман Писемского «Масоны», вышедший в Санкт-Петербург в 1880 году. И что есть книга 1937 года Михаила Осоргина, написанная им, вольным каменщиком, в Париже, под названием «Вольный каменщик». Франкмасон — это «вольный каменщик». Нам всем потом повесили передники из белой замши, вышитые золотом, со знаменитым циркулем. Циркуль означает логическое мышление. И потом, когда я вступил в третий градус, на меня навесили очень красивую ленту, бирюзовую, с красным ободком и каким-то знаком отличия, и выдали сертификат, удостоверение, что я — масон третьего градуса.

— *Вы там часто бывали?*

— Я побывал там на многих собраниях. Безо всякого восторга. Потому что это сводилось к говорению речей. Речи говорили обычно люди, не имеющие дара слова. И только Василий Алексеевич Маклаков, бывший посол Временного правительства в Париже, и Георгий Викторович Адамович, еще, может быть, два человека умели говорить связно и толково. Остальные говорили плохо. Это были, в основном, проповеди морального содержания, о том, что надо, так сказать, быть честным, заботиться о ближних своих. Обычно присутствовало человек семьдесят. И среди них были люди весьма знаменитые, то

есть носители знаменитых фамилий — князь Вяземский, князь Волконский, князь Репнин и другие всякие нетитулованные аристократы, плюс очень богатые евреи. Нужно было быть очень богатым или знатным, чтобы вступить в этот клуб. Это был, конечно, клуб.

На наших собраниях третьего, а до того, первого и второго градусов, иногда выступали знаменитые масоны. И все говорили, что в русской революции они неповинны. Тут очень трудно сказать, так это или иначе. Что, будто бы, они получали какие-то указы от вышестоящих органов, находящихся в Америке. Трудно сказать.

— *Как они относились к Богу? Это люди верующие?*

— Там никогда не употребляли слово «Бог», о Христе не было никогда и речи — они его игнорируют. Масоны говорят — на всех языках — Великий Архитектор Вселенной. Но сами они, в жизни, ходили в церковь, православную, в Кафедральный собор в Париже. Подходили к причастию, христосовались — это не запрещалось.

Среди масонов были люди вполне интеллигентные и умные, попадались люди, желавшие просто как-то отделиться от плебса, от толпы и принадлежать к клубу каких-то особенных, элитарных людей. Но ничего элитарного там не было. Это был просто клуб, где в девять часов вечера Досточтимый Мастер, то есть глава, председатель, задавал вопрос «брату привратнику»: «Брат привратник, который час?» — «Полночь наступила, Досточтимый Мастер». В девять часов! Это было очень забавно, как и многое другое.

Каждый из нас должен был прочесть в конце года короткий доклад, но многие от этого как-то увивали.

— *А Вы?*

— Мне выпала история масонства, и я справился удовлетворительно.

К нам заходили французы. И иногда неприятно были удивлены плохим французским произношением — кое-кто срамился, произношение было аховое. А кое-кто, напротив, вызывал почтительное удивление — говорил по-французски как француз.

Все это было в достаточной степени безобидно, и я не могу ни отрицать, ни подтвердить уверения о том, что устроили революцию и свергли царя масоны. Они это отрицают. Может быть, отрицают неискренне. Я не знаю. Во всяком случае, это были люди милые, приятные, и все это велось очень чинно, очень благолепно.

— *Собрания эти часто были?*

— Собирались раз в месяц, слава Богу. Заканчивалось собрание агапой. (Трапезой).

— *О чем там говорили?*

— Там говорились речи о том, что когда Россия освободится, то масоны спасут русский народ от того, чтобы погрязнуть в мирских интересах и так далее. Один мой приятель, тоже масон по имени, а не по убеждению, смотрел на меня весьма лукаво, думая о том, что эти болтуны никогда никакой России не понадобятся, что было совершенно верно.

Одним словом, через четыре года, получив звание мастера, или третий градус, я должен был уйти, потому что уезжал работать за границу, в Мюнхен. В ложе мне сказали, что я буду усыплен, буду спать, как Фридрих Барбаросса, в ожидании когда меня разбудят и скажут, что или Храм построен, или что Великий Архитектор Вселенной захотел меня лично повидать — я не знаю. Хотя в свое время, когда меня принимали, и вокруг стояли люди с обнаженными шпагами, Дмитрий Александрович, граф Шереметев, строгим голосом говорил, что если я захочу уйти, то «нигде спасения вы не найдете, где бы вы ни были — настигнет вас карающая рука мстителя и страшна будет кара ваша»... (Общие улыбки и усмешки вокруг.) Должен вам сказать, что все это, конечно, чепуха. Но какой-то русский клуб в Париже для некоторых людей, воображающих себя интеллектуалами, был полезен в то время.

— В послевоенном Париже?

— Да, вдруг, после поражения немцев в войне, в русской эмиграции взиграли патриотические чувства, что вполне естественно, ибо Гитлер грозился уничтожить Россию как государство, всех русских переселить за Урал, Петербург сравнять с лица земли. Был такой проект. Гитлер был, конечно, совершенно сумасшедший к последним своим дням. И вот тут очень многие ударились в такое коммунизанство. Очень многие приняли приглашение советского посла Богомолова. Был там Иван Алексеевич Бунин, который к масонам относился отрицательно.

— Где — там?

— В Париже, в посольстве. Много было очень икры, очень много водки, и Иван Алексеевич Бунин, академик и Нобелевский лауреат, весьма захмелел...

Был там митрополит Евлогий, который сказал, что Сталин — богом избранный спаситель земли русской. Он, надо сказать, был весьма глуповат, этот митрополит, но что поделаешь, от митрополитов никогда не требовалось ума, к большому несчастью нашему. И вот, значит, там же в такое коммунизанство ударился сын знаменитого министра Кривошеина — Иван... Игорь Кривошеин. В его кабинете висел портрет товарища Сталина. И он одним из первых взял совет-

ский паспорт и со своей милой женой, дочерью тоже министра, не помню какого, уехал в Россию. Тут их ждал сюрприз...

— *Это 45-й год?*

— 46-й. Когда они пересекли границу, отношения к ним советских служащих вскоре изменились. Их стали называть изменниками родины и отправили к чёртовой мамаше в Сибирь, где они жили в нетопленных лагерях. У них было время обдумать своё поведение и убедиться в его отменной глупости.

— *Скажите, а много было таких несчастных?*

— Довольно много. В том числе один очень талантливый поэт Антонин Ладинский, который потом не смог издать своих стихов, но издал два своих романа «Когда пал Херсонес» и «Анна Ярославна». Он был знаток русской старины, точнее русской древности, писал очень хорошо, это было очень интересно, но в любимые им места его как раз и не пустили. Знай сверчок свой шесток...

— *А куда не пустили?*

— Он хотел жить, кажется, в Москве, естественно, и ещё где-то — в Великом Ростове... в таких вот местах. А пришлось где-то в таком месте, не помню каком, но гораздо менее поэтичном и менее интересном.

— *Его не посадили?*

— Не посадили. А кой-кого и посадили. И пришлось им расплачиваться за свое вольнодумство. Надо сказать, что взял тогда советский паспорт и Алексей Михайлович Ремизов под влиянием своих друзей, весьма коммунистанствующих. Там был Вадим Андреев, сын Леонида Андреева, очень талантливый поэт, необыкновенно красивый и элегантный господин, которому жилось там очень хорошо. <...> Во все времена им очень хорошо жилось. Тёща — вдова Виктора Чернова из Учредительного собрания, и жена, французская журналистка, прекрасно говорила по-французски. Они жили в очень хорошем районе под Парижем, в очень хорошем доме и ни в чем себе не отказывали. А кое-кто из тех, кто взял советский паспорт, промышлял тем, что мыл окна высотных зданий на пятом этаже или шестом...

— *Андреев остался в Париже?*

— Нет. Он отказался от французского гражданства, взял советский паспорт и уехал...

— *В Россию? Не помните? А Ремизов ведь не уехал?*

— Ремезов не уехал.

— *То есть Ремизов просто взял паспорт и на этом остановился?*

— На этом и остановился. В надежде, что его издадут в России. Но его в России не издавали. А он издавал на средства своих меценатов

тоненькие книжицы, из которых каждую присылал мне с нежнейшей надписью, нежнейшей. Был человек всегда замечательный, а какого он подданства — эфиопского, эскимосского, неандертальского, кроманьонского, — ему было в высшей степени наплевать.

— У него был какой-то свой круг знакомых, люди, которые постоянно приходили?

— Совершенно верно. Был круг знакомых, приходивших постоянно, и кое-кто из этого круга весьма потом разжился. Алексей Михайлович имел глупость завещать свою библиотеку одной даме, а библиотека эта стоила огромных денег, потому что там были не только первые издания, но посвящения и подписи великих людей, совершенно потрясающие надписи. А потом его мебель, довольно паршивую, эта весьма предприимчивая дама, Кодрянская, за ничтожные деньги скупила и куда-то послала.

И то же случилось с мебелью Ивана Алексеевича Бунина, весьма паршивой. Получив Нобелевскую премию, он ее проярыжил, пропил, проиграл и остался, в общем, ни с чем. И пришло ещё в голову все-таки купить квартиру. Но мебель и дом, как можно было сделать, они не купили. Жили в паршивой квартире, и она нуждалась очень в ремонте, в окраске, все было очень неопрятно. Как и у Ремизова. А некоторые литераторы знают, как устраивать бизнес.

— К Ремизову в какие-то конкретные дни приходили люди? Кто вообще был в числе этих друзей? Что делали, о чем разговаривали, не помните?

— Разговаривали мало о чем. Они приносили еду, что и было предметом их разговоров, внимания. Скажем, утку принесет жареную кто-нибудь, по-ирландски или по-пекински, то есть под ромом или под апельсинами. Или гуся с яблоками, с кислой капустой или яблоками, что-нибудь ещё. Однажды я явился к нему на рю Буало, Буало, помните, был такой. Написал учебник поэтики «Ля поэтик» (Искусство поэзии).

И вот... Он говорит: «Игорь (забыл фамилию) Чезов! Рад вас видеть. Только угощать мне вас нечем. Посмотрите там, в морозильнике». Я посмотрел в морозильнике: два гуся, два окорока, утка, кура, семга, лососина, чего там только не было. Нанесли любители. А он: «Нечем мне вас угощать, голубчик». Я захлопнул морозильник, мы с ним поговорили. У него была очень забавная рабочая комната. На всяких веревочках тоненьких — скелетики, скелет летучей мыши, скелет обыкновенной домашней мыши, скелет котёнка, скелет птички какой-то, ещё что-то...

— А зачем он это делал? Дурачился?

— Дурачился.

— Сам себя развлекал или окружающих?

— Думаю, что сам себя и окружающих. Он должен был внушить людям идею своей странности, непохожести, необыкновенности, и в этом преуспел. Наружности он был совершенно аховой...

— А что у него был за характер? Веселый, мрачный? Непонятный? Он играл все время, что-то изображал?

— Видите ли, я думаю, что в глубине души он тяжело переживал свою непопулярность среди широкого читателя, но он никогда не шёл навстречу читателю. Если только в самые ранние свои годы, когда он написал, ещё в России, «Шумы города» и, скажем, ещё кое-что... «В поле блакитном». Поле блакитное — это герб его жены, урождённой Довгелло, старинный литовский род. И там в красном поле что-то такое изображено, не помню — что. Так вот, Алексей Михайлович, однако, никому зла не желал и о людях отзывался так, со снисхождением, с доброй всепрощающей улыбкой.

А Иван Алексеевич Бунин, тот на всех сердился, он не мог простить своей непопулярности как прозаика, и своей непопулярности и непризнанности как поэта. Случилось вот что. Александр Блок однажды написал рецензию в **журнал о второстепенных русских поэтах**. Ясное дело, кому охота услышать, что тебя зовут второстепенным.

— О Бунине написал?

— В том числе о Бунине. Было несколько человек в числе этих второстепенных. Бунин, конечно, разъярился. Человек был злой, желчный, очень сердитый, и всю жизнь Бунин Блока ненавидел. Тут надо сказать, что стихи его были неплохие, он владел техникой стиха, но стихи были без очарования, без магии, как принято выражаться, без усиленной поэтичности и напоминали стихи, скажем, Алексея Константиновича Толстого, стихи вполне хорошие: «Средь шумного бала случайно // в тревоге мирской суеты...» и так дальше.

— А Вы с Буниным познакомились давно?

— Так вот, приехав в Париж после того, как из немецкого плена меня освободили американцы и увезли во Францию, с поляками и латышами, я, наконец, попал в Париж. После трёх маленьких городов Франции, где мы сначала жили в казармах. И в Париже я захотел познакомиться с русскими поэтами и писателями, и кое-кто из них меня вспомнил, потому что я напечатал три небольших статьи в журнале «Числа». Это был лучший в европейской — и в эмигрантской, в частности, литературе — журнал, совершенно великолепный. И там были эти мои статьи и какие-то стихи, не имевшее значения.

И вот, я прихожу — мне сказали, что будет собрание поэтов и писателей — вхожу и вижу: стол и президиум...

— *Вы это рассказывали. А как Вы с Бунным познакомились? Ведь не подойдешь, не скажешь «здрости».*

— Подойдешь.

— *Кто-то познакомил?*

— Как я подошел у себя в Дейтона-Бич к Мстиславу Ростроповичу: «Позвольте познакомиться с Мстиславом Ростроповичем. Игорь Чиннов, последний парижский поэт».

— *Скажите, а Бердяев тогда тоже был настроен прокоммунистически, после войны?*

— Очень. На его доме, подаренном ему одной очень богатой англичанкой, развевался красный флаг. И на его воскресеньях разные коммунизаны говорили о том, что Сталин совершенный душечка, крошечка и симпампончик, и то, что люди там теперь переживают, это есть лучшее, что можно себе представить. И даже в раю люди не живут так шикарно и великолепно, как при товарище Сталине.

— *А кто к нему ходил?*

— Николай Александрович был коммунизаном потому, что большевики когда-то проповедовали социальную справедливость. Капитализм никогда социальной справедливости не проповедовал, хотя вот есть такая вещь как социальное обеспечение у нас. И в Германии, и во Франции, и всюду, и, конечно, в Америке. Но это не так давно, а лет тому назад тридцать ничего подобного не было. Так вот, действительно, капитализм думал больше о собственном обогащении, чем о благосостоянии людей. И только потом капиталистам пришло в голову, что это забитое стадо рабочих — это же, в сущности, рынок. И можно им дать возможность покупать какие-то тряпки, и они будут покупать за большие деньги, а мы будем класть денежки в карман.

— *А кто к Бердяеву приходил тогда?*

— О, не стоит перечислять всю эту публику. Там было много народу. Вот в том числе и Георгий Адамович, с которым мы и приходили туда...

— *То есть приходили те, кто разделял его точку зрения на большевиков?*

— Не обязательно. Я, например, не разделял. И даже совсем не разделял.

— *Интересно было у Бердяева?*

— О да.

— *Философские разговоры велись или тоже о еде?*

— Нет, о еде нельзя было. К тому же, ее и не было. Говорили, ко-

нечно, о Боге и о свободе. Это был конёк Николая Александровича Бердяева — что свобода не право, а обязанность человека. Потому что, человек как сын Божий обязан — созданный ещё к тому же, якобы, по образу и подобию Божию, — обязан себя заявить как свободный сын Божий.

— *Приятный он был человек, Бердяев?*

— Едва ли. Но, конечно... манеры... аристократ... со стороны матери — французский род, который был в родстве с французскими королями, не то с Бурбонами, вероятно, едва ли с Каролингами. Вот такой... очень самовлюбленный человек. И потом он написал книгу о себе, не помню, как она называется... Где сказано: «Я всегда был элитарен...».

— *«Самопознание»?*

— Это его лучшая книга. Именно так и называлась. Или, еще, «Философия неравенства», от которой он потом публично много раз отрекался перед американцами. Скажи такое, что ты за неравенство... Фактически, конечно, негра, например, в мой кондоминиум не пустят, они там на ролях прислуги, уборщиц, это да. Но чтобы им сдали комнату, квартиру — никогда. Тем не менее — вот у нас есть оркестр, в нем один негр, один. Следовательно, это уже общее равенство.

— *Скажите, а Бердяев был веселый, он чувством юмора обладал, как Вам кажется?*

— Никак. Нет.

— *А оратором хорошим был? Или лучше было ему писать?*

— Лучше было его читать. С ним был такой казус — у него высказывал язык. Вдруг хоп — и язык выскакивает от начала до конца. И он вынимает белоснежный платок, понемногу этот язык удаляется во-свояси, Николай Александрович отнимает платок. Говорил он гладко. РевОлюция. Мы не говорим ревОлюция. Это была манера аристократов, так говорить. Был, конечно, сноб, как Георгий Адамович, как Лев Толстой...

— *Его почитали в том кругу людей?*

— Очень. Он очень уважаем. И в особенности в англосаксонских странах.

— *А среди русских эмигрантов, которые приходили?*

— Да. Ходили, слушали его...

— *А женщины его любили или он не интересовался этим вопросом?*

— При нем всегда была Эсфирь... Нет... Евгения... Юдифовна. Из, может быть, евреек. Очень элегантная, эффектная, маленькая такая совсем, девочка такая, преклонного возраста, она его опекала, приносила чай и все такое.

Она напоминала ту даму, которая состояла при Вячеславе Ивановиче Иванове в Риме — Ольга Александровна Шор. Очень культурный человек, религиозная очень и мало, что христианка, — более чем христианка. Поклонница знаменитой религии орфеев. Орфизм — это была секта в Риме, со своими катакомбами, которая заявляла, что она от Орфея, то есть от полубога Орфея из греческой мифологии, которой вызволил Эвридику, когда Эвридику бог подземного царства Аид (Плутон), увлек к себе. А влюбленный в нее Орфей отправился туда ее вызволять, и играл на арфе так, что звери, расположившись полукругом, его слушали. Так вот, в честь этого Орфея была основана такая мистическая секта, вполне похожая на секту гностиков. Гностики утверждали, что они духовные существа, а вовсе не те, которых мы видим невооруженным глазом, и что они (слово «гносис» по-гречески означает знание), что они знают тайны духовного мира.

И вот теперь антропософы вслед за теософами говорят, что тоже знают. И об этом говорится, в частности, в книге доктора Рудольфа Штейнера «Как достигнуть познания высших миров». Где он и сообщает, как достигнуть познания высших миров. Чего я, собственно, и не хотел бы, говоря между нами. Хорошо. О чем ещё Вы меня собирались спросить?

— *О Бердяеве. Женщинами он не интересовался? При нем была эта дама...*

— Да, при нем была эта дама. А интересовался ли он, принимал ли участие в половой разнuzданности, этого я не знаю.

— *История не сохранила... Во что он одевался?*

— Всегда чёрный пиджак, чёрный берет. Он начал лысеть рано. Серые полуседые волосы, такими космами ниспадают... Но космы упорядочены, так сказать, с помощью гребёнки. Очень интересная наружность. Очень одухотворенное лицо. Черный галстук бабочкой, художнический такой наряд... Белая рубашка, чёрный пиджак такого, весьма сдержанного и скромного покроя. Вид это имело очень эффектный.

— *Невысокий он был?*

— Он был как раз высокий. А несколько других русских философов имели вид непрезентабельный, и он один только щеголял эффективно, сказывалась французская кровь.

— *А на что он жил, откуда были деньги?*

— Во-первых, выходили его книги. В частности, например «Философия свободного духа», томики которой у меня забрал Женя Евтушенко без моего согласия, но — с моего ведома. Он был моим гостем, и хозяин не может помешать гостю вводить его книги. Вот так.

— Скажите, Адамович как выглядел?

— Адамович был человек среднего роста, очень морщинистый, с жёлтым лицом и жёлтыми белками глаз. С совершенно буйной растительностью: чёрные волосы как смоль — он их регулярно красил. Что совсем зря, потому что при такой физиономии, сморщенной как яблочко сухое, это было некстати. Но он был великий умница.

— Изящно одевался?

— Очень! Очень хорошо одевался, галстуки всегда подобраны, очень изящные. Но некрасивые руки, к сожалению, некрасивые ногти. Но был эстет, что, конечно, отрицал для дураков, и дураки верили, что он толстовец, что стоит за опрощение... Но люди поумнее понимали, что ничего подобного. У Достоевского сказано в «Бесах» о Ставрогине: «Аристократ, когда идёт в демократию, обаятелен». Вот и Георгий Викторович Адамович.

Кстати, племянник русского генерала, сын еврея, но еврея очень уже культурного. Петербуржанин, или петербуржец, член русского кружка, который назывался «Цех поэтов», акмеист, он был одним из младших акмеистов.

Акмеизм встал поперёк горла символизму, который говорил о высоких материях и вещей житейских не касался. Это все очень надоело через какое-то время. В символизме созданы прекрасные вещи. Фёдор Сологуб и Зинаида Гиппиус, Дмитрий Сергеевич Мережковский — все они были символисты, как и Вячеслав Иванович Иванов. Но... Это в конце концов надоело. Разговоры о высоких материях... Об этом написал задумчиво и насмешливо Александр Блок «Балаганчик». Коса была, по их мнению, коса смерти, а в действительности она — коса девушки, заплетённая. Символизм с его неясностью, туманностью, был продолжателем романтизма, но очень своеобразным, очень устремлённым к вершинам, как и романтизм, но, так сказать, туманный поначалу и принципиально невещественный.

А акмеизм, наоборот, во-первых, провозгласил прекрасную ясность вместо прекрасной неясности и туманности символистов, во-вторых, он обратился к вещественному миру, и роза опять начала обозначать цветок душистый и прекрасный, прекрасного цвета. Цветок — вместо того, чтобы означать Вечную Женственность или Великую Истину или ещё что-то такое ... «Деву Радужных Ворот» Соловьева. Роза стала розой, вещи стали вещами, означавшими только самих себя и никакими символическими значениями не обладавшими.

В русле акмеизма писали и Георгий Адамович, и Георгий Иванов, и Ирина Одоевцева, и написали они замечательные стихи. В частности, Георгий Иванов.

— А Вы?

— Тоже. (Смеется). Обо мне говорят, что я, якобы, постаккеист. Я не понимаю, почему «пост». Разница в том, что у меня, конечно, есть гротески, и мои стихи более углублены философски и более многозначительны, чем стихи многих акмеистов, включая Гумилёва, Адамовича и Иванова...

Хотите ещё что-нибудь узнать?

— С Адамовичем как Вы познакомились, когда?

— С Адамовичем я познакомился вот как. К нам в Ригу приходили журналы, и в том числе и журнал «Числа». А в них печатал свои эссе, свои размышления или на литературную тему, или на общеполитическую тему Георгий Викторович Адамович. И это было так прекрасно написано, это была такая дивная русская проза, такая умная проза, что я бросался на то, что написал Адамович, в первую очередь, минуя все остальное, даже Марину Цветаеву. Так вот, прочтя несколько таких эссе, я послал ему — он был одним из редакторов «Чисел» — два своих стихотворения и статью.

— Когда это было?

— Это был, вероятно, тридцать третий год. Он мне ответил очень мило: «Я тоже не знаю вашего отчества и тоже прошу простить меня за письмо без обращения. Вот что мне хотелось бы Вам сказать. Я не могу поместить все Ваши стихи в журнале не потому, что они показались мне плохими. — По Вашим же словам, в них не все чужое, — но потому, что Вашим стихам нужна поддержка целой книги, вашего сборника, где любой полунамеком стал бы явным...», — и все такое. Я помню письмо наизусть.

И вот, значит, когда я приехал в Париж, то первым делом нанес визит ему. Мы встретились на лестнице, он спускается, лицо очень сморщенное, в синем хорошем элегантном пальто и с авоськой в руках.

Я спрашиваю его: — «Георгий Викторович Адамович?» — «Да». — Я говорю: «Я Игорь Чиннов из Риги, мы с Вами обменялись письмами». — «Да, как же... Можете меня проводить?».

Ясное дело — могу.

— Решили подняться в его комнату? Он на сколько лет Вас старше?

— Мы с ним спустились... На тридцать лет. Но мы были друзья. Он так и называл меня — мой молодой друг.

— Спустились и отправились в магазин?

— Неет. Он отложил покупки, и мы пошли в кафе. Мы с ним говорили, и я старался выказать свою образованность, заговаривал о Данте. Он смотрит: — «Ну что Вы, кто же читал Данте? Данте читал

Борис Константинович Зайцев, а Георгий Викторович никогда его не читал». Я говорю, что я тоже не смог его одолеть. Но я помню несколько страшных совершенно образов, — как к какому-то человеку, мёртвому, конечно, на том свете подошло, подползло какое-то ужасное животное и с ним соединилось, и через некоторое время поползло что-то такое, получеловек, полужверь. Я говорил, что это самое страшное, что может произойти — это потеря человеком своей личности, не только своего человеческого естества, но и вообще своей личности. Он: — «Да, да, конечно». — Мы заговорили о чём-то более житейском, и он ко мне расположился. Потом он сказал, что «не ожидал встретить человека из Риги с такими достоинствами ума, культуры чего-то ещё...». Все это было мило...

— *А он обеспеченно жил?*

— Нет, бедно жил. В комнате для прислуги, как и я, но с лифтом. А, нет, то была другая его квартира, где был лифт, а в этой лифта не было. Шестой... или на пятый этаж без лифта.

— *У него жены вообще не было?*

— Нет. И по разным причинам. Однажды с ним что-то случилось странное, я кажется, Вам рассказывал...

— *Ну да. У него из гостиницы очередной друг украл всю одежду, и ему пришлось звонить кому-то, чтобы его выручили.*

— Якову Свибаку. Андрею Седых.

— *Просил принести одежду?*

— Что будешь делать... Ничего с этим поделать нельзя.

Записано О.Ф. Кузнецовой

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Адамович Г.* Комментарии. Вашингтон: Victor Kamkin, 1967. 215 с.
2. *Бахрах А.В.* Бунин в халате. М.: Согласие, 2000. 244 с.
3. *Берберова Н.Н.* Стихи. 1921–1983. Нью-Йорк: Russica, 1984. 135 с.
4. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
5. *Бердяев Н.* Самопознание (Опыт философской автобиографии). Париж: YMCA-Press, 1949. 377 с.
6. *Бердяев Н.А.* Самопознание (Опыт философской автобиографии). М.: ДЭМ, 1990. 336 с.
7. *Бердяев Н.* Философия неравенства. М.: ИМА-пресс, 1990. 288 с.
8. *Иваск Ю.П.* Царская осень. Вторая кн. стихов. Париж: Рифма, 1953. 47 с.
9. *Мамченко В.А.* Звезды в аду. Париж: [б. и.], 1946. 60 с.
10. *Мандельштам О.Э.* Полн. собр. соч. СПб.: Азбука, 2014. 928 с.
11. На Западе: антология русской зарубежной поэзии / сост. Ю.П. Иваск. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. 398 с.
12. Письма Г.В. Адамовича И.В. Чиннову (1952–1972) / публ. О.А. Коростелева // Литературоведческий журнал. 2008. № 22. С. 172–275.
13. Письма запрещенных людей. Литература и жизнь эмиграции. 1950–1980-е годы. По материалам архива И.В. Чиннова / сост. О.Ф. Кузнецова. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 832 с.
14. *Терапиано Ю.К.* Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974). Париж; Нью-Йорк: Альбатрос; Третья волна, 1987. 664 с.
15. *Чиннов И.* Алхимия и ахинея. Гротескиада: десятый сб. стихов. М.: Христиан. изд-во, 1996. 246 с.
16. *Чиннов И.В.* Монолог. Париж: Рифма, 1950. 48 с.
17. *Чиннов И.В.* Собр. соч.: в 2 т. / сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. О.Ф. Кузнецовой. М.: Согласие, 2000–2002.
18. *Штейгер А.С.* Дважды два четыре. Стихи: 1926–1939. Париж: Рифма, 1950. 61 с.
19. *Штейгер А.С.* Неблагодарность. Стихи. Париж: Числа, 1936. 44 с.

**“I DIDN’T THINK IT WAS SO HARD TO LIVE HERE...” I.V. CHINNOV
ABOUT RUSSIAN PARIS OF THE 1940–1950S IN LETTERS AND
INTERVIEWS**

© 2023. Olga F. Kuznetsova, Natalia Yu. Bakshaeva

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

*Introduction, text preparation, comments by Olga F. Kuznetsova.
Compilation by Natalia Yu. Bakshayeva*

Abstract: Materials about the life of the poet of the first wave of emigration I.V. Chinnov (1909–1996) in the 1940–1950s are kept from the Office of Russian Emigrant Literature Archives named after I.V. Chinnov of the Department of Manuscripts of the IWL RAS. The letters are addressed to Chinnov’s friend Yu.P. Iwask (1907–1986) and his wife. The correspondence began in 1944. This year Chinnov ended up in a German POW labor camp in Wuppertal. After the end of the war and liberation from the camp, Chinnov wrote to Iwask from Paris. Iwask and his wife were at that time in a camp for displaced persons in Hamburg. In the letters of the late 1940s the theme of Iwask’s move to America arises. In the letters the friends discussed an anthology of Russian foreign poetry (New York, 1953), which was compiled by Iwask, and the first collection of poems by Chinnov *Monolog*. In 1953, in his last published letter, Chinnov announced that he had the opportunity to go to work in Munich at Radio Liberty. We publish an interview with I.V. Chinnov, where he talks about his life in Russian Paris in the postwar years. Chinnov recalls how he was initiated into the Freemasons, about the meetings at the lodge “Astraea.” He also visited Ivan Bunin and Alexei Remizov. Chinnov used to visit Nikolai Berdyaev’s house on “Sundays.” Chinnov came to Berdyaev with Georgi Adamovich, whom he calls his friend. The introductory article describes Chinnov’s trips to Russia in the early 1990s, summarizes the biography of Chinnov and Iwask, and describes the literary activities in the first postwar years of the Russian writers with whom he was then acquainted in Paris.

Keywords: interview, poet, Moscow region, poem, emigration, post-war Paris, Soviet passport, Adamovich, Bunin, Berdyaev, Remizov, letter, poetry, war, German POW labor camp, Germany, America, parcel, professor, anthology.

Information about the authors:

Olga F. Kuznetsova, PhD in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3816-2158>

E-mail: oliaol.555@gmail.com

Natalia Yu. Bakshaeva, PhD Student, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1650-0857>

E-mail: nbobresova@gmail.com

For citation: Kuznetsova, O.F., Bakshaeva, N.Yu., editors. “I Didn’t Think It Was So Hard to Live Here...” I.V. Chinnov about Russian Paris of the 1940–1950s in Letters and Interviews.” *Codex manuscriptus*, issue 3. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 121–181. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/CM.2949-0510-2023-3-121-181>

REFERENCES

1. Adamovich, G. *Kommentarii* [Comments]. Washington, Victor Kamkin Publ., 1967. 215 p. (In Russ.).
2. Bakhrakh, A.V. *Bunin v khalate* [Bunin in a Robe]. Moscow, Soglasie Publ., 2000. 244 p. (In Russ.).
3. Berberova, N.N. *Stikhi* [Poems, 1921–1983]. New York, Russica, 1984. 135 p. (In Russ.).
4. Berdiaev, N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The Origins and Meaning of Russian Communism]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 224 p. (In Russ.).
5. Berdiaev, N. *Samopoznanie (Opyt filosofskoi avtobiografii)* [Self-Knowledge: The Experience of Philosophical Autobiography]. Paris, YMCA-Press, 1949. 377 p. (In Russ.).
6. Berdiaev, N.A. *Samopoznanie (Opyt filosofskoi avtobiografii)* [Self-Knowledge: The Experience of Philosophical Autobiography]. Moscow, DEM Publ., 1990. 327 p. (In Russ.).
7. Berdiaev, N. *Filosofiia neravenstva* [The Philosophy of Inequality]. Moscow, IMA-press, 1990. 288 p. (In Russ.).
8. Ivask, Iu.P. *Tsarskaia osen'. Vtoraia kniga stikhov* [Royal Autumn: The Second Book of Poems]. Paris, Rifma Publ., 1953. 47 p. (In Russ.).
9. Mamchenko, V.A. *Zvezdy v adu* [Stars in Hell]. Paris, 1946. 60 p. (In Russ.).
10. Mandel'shtam, O.E. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2014. 928 p. (In Russ.).
11. *Na Zapade: antologiiia russkoi zarubezhnoi poezii* [In the West: An Anthology of Russian Foreign Poetry], comp. by Iu.P Ivask. New York, Izdatel'stvo imeni Chekhova Publ., 1953. 398 p. (In Russ.).
12. “Pis'ma G.V. Adamovicha I.V. Chinnovu (1952–1972)” [“Letters of G.V. Ad-

- amovich to I.V. Chinnov (1952–1972)”), publ. by O.A. Korostelev. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 22, 2008, pp. 172–275. (In Russ.)
13. *Pis'ma zapreschennykh ludei. Literatura i zhizn' emigratsii. 1950–1980-e gody. Po materialam arkhiva I.V. Chinnova* [Letters of Forbidden People. Literature and Life of Russia Abroad. 1950–1980s. Based on Materials from Igor Chinnov's Archive], comp. by O.F. Kuznetsova. Moscow, IWL RAS Publ., 2003. 832 p. (In Russ.)
 14. Terapiano, Iu.K. *Literaturnaia zhizn' russkogo Parizha za polveka (1924–1974)* [Literary Life of Russian Paris for Half a Century (1924–1974)]. Paris, Al'batros Publ.; New York, Tret'ia volna Publ., 1987. 664 p. (In Russ.)
 15. Chinnov, I. *Alkhimiia i akhineia. Groteskiada: desiatyi sbornik stikhov* [Alchemy and Nonsense. Grotesques: Tenth Collection of Poems]. Moscow, Khristianskoe izdatel'stvo Publ., 1996. 246 p. (In Russ.)
 16. Chinnov, I.V. *Monolog* [Monologue]. Paris, Rifma Publ., 1950. 48 p. (In Russ.)
 17. Chinnov, I.V. *Sobranie sochinenii: in 2 t.* [Collected Works, in 2 vols.], comp., text prep., introd., comm. by O.F. Kuznetsova. Moscow, Soglasie Publ., 2000–2002. (In Russ.)
 18. Shteiger, A.S. *Dvazhdy dva chetyre. Stikhi: 1926–1939* [Double Two Is Four. Poems: 1926–1939]. Paris, Rifma Publ., 1950. 61 p. (In Russ.)
 19. Shteiger, A.S. *Neblagodarnost'. Stikhi* [Ingratitude: Poetry]. Paris, Chisla Publ., 1936. 44 p. (In Russ.)